

Дальневосточное региональное литературное издание

Литературный меридиан

Июль 2010 г. № 9 (33)

В.К. АРСЕНЬЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНИК ИЗДАЁТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА «МИЛИЦЕЙСКИЙ ВЕСТНИК», г. АРСЕНЬЕВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Памятник графу Муравьеву-Амурскому, г. Хабаровск. Фото Владимира Костылева

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Геннадий БОГДАНОВ. (Литературный путеводитель)	3
Наталья ТУМКО. (Событие)	5
Алиса УХАНЬ. (Проза)	7
Наталья МОЗГОВЕНКО. (Проза)	8
Наталья ФЕДЧЕНКО (Из первых уст)	9
Дмитрий МИЗГУЛИН. (Поэзия)	11
Николай ЧАЙКА. (Поэзия)	12
Нина ИСАКОВА. (Поэзия)	13
Юрий ЛЮБУШКИН. (Проза)	14
Геннадий БОГДАНОВ. (Поэзия)	16
Софья ИОСИЛЕВИЧ (Поэзия)	17
Эльвира КОЧЕТКОВА. (Дни славянской письменности)	18
Надежда ВСЕВОЛОДОВА. (Неопалимая купина)	21
Василий САМОТОХИН. (Время читать)	25
Владислав ГУСАРОВ. (Проза)	28

Шаг за шагом

Друзья!

Майский и июньский номера нашего ежемесячника вышли под сдвоенными номерами, однако это не означает, что мы планируем выпустить меньшее количество номеров в текущем году. Спаренная нумерация была необходима для указания на увеличенный объём указанных номеров. Мы приложим все усилия, чтобы каждый месяц вы получали свежий номер «Литературного меридиана».

Редколлегия и общественный совет «ЛитМ» проводит огромную работу по пропаганде и популяризации ежемесячника среди жителей Приморского, Хабаровского краёв и других регионов России. В различных аудиториях *Владимир Тыцких, Эльвира Кочеткова, Сергей Юдинцев, Ирина Банкрашкова, Геннадий Богданов, Вячеслав Протасов, Юрий Кабанков, Иван Кончатный* рассказывают о нашем ежемесячнике, представляют наших авторов, читают опубликованные произведения, etc. Таким образом мы собираем вокруг «Литературного меридиана» читательский актив. Ведь чем больше у нас читателей, авторов-подписчиков, тем вероятнее возможность улучшения полиграфического исполнения «Литмеридиана», увеличения его объёма и тиража.

Многие из вас, дорогие друзья, также ведут активную пропаганду нашего издания. Выражаю огромную благодарность **Николаю Чайке, Георгию Назимову, Татьяне Овчинниковой, Сергею Назаренко, Анастасии Караваевой, Жанне Райгородской, Анне Петровой, Василию Самотохину** и многим другим.

Для упрощения процедуры подписки на «Литературный меридиан» в прошлом месяце мы разработали и отпечатали специальные подписные бланки. Эти бланки мы отправляем каждому из вас, уважаемые авторы и читатели. Основные графы мы заполнили электронным способом. Подписчику остаётся лишь вписать в соответствующие графы свои фамилию, имя, отчество и домашний адрес.

Если вы сами уже успели оформить подписку, бланк можно передать вашим близкими, друзьям, коллегам, другим чутким к русскому слову и неравнодушным людям.

В ближайшие месяцы у «Литмеридиана» появится собственный сайт, и наши читатели смогут знакомиться с публикациями наших авторов и сотрудников редакции на созданной Интернет-страничке. Также мы планируем разместить на сайте фотоархив, библиотеку книг наших авторов и электронные версии вышедших ранее номеров «ЛитМ». Принимаем пожелания и приглашаем к сотрудничеству веб-дизайнеров и художников.

Оставайтесь с нами!

Владимир Костылев

ФИАЛКИ

Геннадий БОГДАНОВ

(памяти А.А. Вознесенского)

Невыносимо писать о Вознесенском как о покинувшем наш суетный мир. Но не писать невозможно. Первого июня остановилось сердце гениального поэта современности Андрея Андреевича Вознесенского. Он и ушёл от нас необычно, выбив дуплетом две семёрки...

В мартовском номере «Собеседника» Вознесенский давал, возможно, своё последнее интервью Дмитрию Быкову:

«С Вознесенским я в последнее время разговаривал несколько раз... Разговоры длились минут по пятнадцать, не больше, потому что боюсь его утомлять. Но странное дело – на людях он чувствует себя лучше. Это и давняя эстрадная выучка, и внутренний кодекс чести: никто не должен видеть, каково тебе на самом деле. Он один из крупнейших поэтов XX века, и этого статуса не станут сегодня оспаривать даже заядлые его ругатели. Он давно в том статусе, когда любое высказывание предваряется оговоркой: «Вознесенский, конечно, большой поэт, но...» А по-моему, и без всяких но. Вознесенский до сих пор интересен: то, что он умудряется писать, героически сражаясь с болезнью, – поражает свежестью, темпераментом и хваткой. Но, помимо всякой эстетики, поражает мужество, с которым он встречает испытания последних лет: он, вечно упрекаемый то в легковесности, то в истеричности, то в самолюбовании. Я не знаю в последнее время более убедительного примера героизма – по крайней мере, в литературе».

Я позволю себе процитировать несколько фраз из интервью с Андреем Вознесенским. Вот что говорит поэт об авангарде: *«Искусство не для того выходит на площадь, чтобы показывать себя: оно идёт переделывать мир. Это прямое продолжение модерна, нормальная линия – кончился образ художника-алхимика, затворника, началась прямая переделка Вселенной. «Кроится миру в черепе». Это было и на Западе, не только у нас, и вторая молодость авангарда – шестидесятые, битничество – продолжение той же утопии. А в России это совпало с революцией, отсюда упования на государство, на утопию, – утопия вообще для искусства вещь до-*

А.А. Вознесенский

вольно плодотворная. А наоборот – не очень. Пока человек чувствует, что он всё может и будущее принадлежит ему, он менее склонен к подлостям, чем если чувствует себя винтиком. Авангард предъявляет к человеку великие требования. И сейчас скажу то же, что и двадцать лет назад: ничего более живого в искусстве XX века не было, из русского и европейского футуризма выросло всё великое, что этот век дал. Русская провинция продолжает давать прекрасные молодые имена, потому что футуристична по своей природе. Там без утопии не проживешь. Противопоставление авангарда и традиции, кстати, ложно – по крайней мере, в России. Авангард с его максимализмом и

есть русская традиция. «Слово о полку Игореве» как будто футуристы писали. Плакаты авангардистов, в том числе богоборца Маяковского – не атеиста ни в коем случае! – восходят к иконе. Авангарднее русского фольклора вообще ничего нет – рэп шестнадцатого века».

Отмечу главные вехи в жизни Андрея Вознесенского:

1933 – родился 12 мая в Москве в семье гидроинженера;

1947 – в 14 лет послал свои стихи Пастернаку, с которым дружил впоследствии; 1957 – окончил Московский архитектурный институт;

1978 – участник альманаха «Метрополь», в том же году получил Госпремию за сборник «Витражных дел мастер»;

1993 – академик Российской академии образования, почётный член десятка академий по всему миру.

Буквально на прошлой неделе, незадолго до печального известия о кончине поэта, появился у меня на работе мой давний приятель Василий Блохин, и я узнал от него, что то прекрасное стихотворение, которое он мне читал несколько лет назад в церковной сторожке, называется «Рама» из сборника Вознесенского «Ахиллесово сердце». Мне предстоит ещё найти этот сборник стихов. А также открыть для себя «Собор» Вознесенского. Два этих сборника вышли в свет где-то в середине шестидесятых. Мне предстоит ещё прикоснуться к тайне творчества поэта.

А пока, отдавая должное таланту Мастера, процити-

рую небольшую главу из известного эссе Андрея Вознесенского «Мне четырнадцать лет». В этой главе пойдет речь о малоизвестном читателю поэте А.Е. Крученых.

«Тут в моей рукописи запахло мышами.

Острый носик, дернувшись, заглядывает в мою рукопись. Пастернак остерегал от знакомства с ним. Он появился сразу же после первой моей газетной публикации.

Он был старьевщиком литературы.

Звали его Алексей Елисеевич Кручка, но больше пошло бы ему – Курчонок.

Кожа щек его была детская, в пупырышках, всегда поросшая седой щетиной, растущей запущенными клочками, как у плохо опаленного цыпленка. Роста он был дрянного. Одевался в отрепья. Плюшкин бы рядом с ним выглядел завсегдаем модных салонов. Носик его вечно что-то вынюхивал, вышныривал – ну не рукописью, так фотографией какой разжиться. Казалось, он существовал всегда – даже не пузырь земли, нет, плесень времени, оборотень коммунальных свар, упыриных шорохов, паутинных углов. Вы думали – это слой пыли, а он, оказывается, уже час сидит в углу.

Жил он на Кировской в маленькой кладовке. Пахло мышью. Света не было. Единственное окно было до потолка завалено, загажено – рухлядью, тюками, недоеденными консервными банками, вековой пылью, куда он, как белка грибы и ягоды, прятал свои сокровища – книжный антиквариат и списки...

Он продавал рукописи Хлебникова. Долго расправляя их на столе, разглаживал, как закройщик. «На сколько вам?» – деловито спрашивал. «На три червонца». И быстро, как продавец ткани в магазине, отмерив, отхватывал ножницами кусок рукописи – ровно на тридцать рублей.

В свое время он был Рембо российского футуризма. Создатель заумного языка, автор «Дыр булл щыл», он внезапно бросил писать вообще, не сумев или не желая приспособиться к наступившей поре классицизма. Когда-то и Рембо в том же возрасте так же вдруг бросил поэзию и стал торговцем. У Крученых были строки:

Забыл повеситься
Лечу
Америку

Образования он был отменного, страницами наизусть мог говорить из Гоголя, этого заповедного кладезя футуристов.

Как замшелый дух, вкрадчивый упырь, он тишайше проникал в вашу квартиру. Бабушка подозрительно поджимала губы. Он слезился, попрошайничал и вдруг, если соблаговолит, вдруг верещал вам свою «Весну с угощеньцем». Вещь эта, вся речь её с редкими для русского языка звуками «х», «щ», «ю», «была отмечена весною, когда в уродстве бродит красота».

Но сначала он, понятно, отнекивался, ворчит, придуряется, хрюкает, притворяшка, трет за чем-то глаза платком допотопной девственности, похожим на про-

масленные концы, которыми водители протирают двигатель.

Но вот взгляд протерт – оказывается, он жемчужно-серый, синий даже! Он напрягается, подпрыгивает, как пушкинский петушок, приставляет ладонь ребром к губам, как петушиный гребешок, напрягается ладошка, и начинает. Голос у него открывается высокий, с таким неземным чистым тоном, к которому тщетно стремятся солисты теперешних поп-ансамблей.

«Ю-юйца!» – зачинает он, у вас слюнки текут, вы видите эти, как юла, крутящиеся на скатерти крашенные пасхальные яйца. «Хлюстра», – прохрюкает он вслед, подражая скользкому звону хрустала. «Зухррр», – не умирается зазывала, и у вас тянет во рту, хрупают от засахаренной хурмы, орехов, зеленого рахат-лукума и прочих сладостей Востока, но главное – впереди. Голосом высочайшей муки и сладострастия, изнемогая, становясь на цыпочки и сложив губы как для свиста и поцелуя, он произносит на тончайшей бриллиантовой ноте: «Мизюнь, мизюнь!..» Все в этом «мизюнь» – и юные барышни с оттопыренным мизинчиком, церемонно берущие изюм из изящных вазочек, и обольстительная весенняя мелодия Мизгиря и Снегурочки, и, наконец, та самая щемящая нота российской души и жизни, нота тяги, утраченных иллюзий, что отозвалась в Лике Мизиновой и в «Доме с мезонином», – этот всей несбывшейся жизнью выдохнутый зов: «Миссюсь, где ты?»

Он замирает, не отнимая ладони от губ, как бы ожидая отзыва юности своей, – стройный, вновь сероглазый принц, вновь утренний рожок российского футуризма – Алексей Елисеевич Крученых.

Может быть, он стал барыгой, воришкой, спекулянтом. Но одного он не продал – своей ноты в поэзии. Он просто перестал писать. Поэзия дружила лишь с его юной порой. С ней одной он остался чист и честен.

Мизюнь, где ты?» ...

Перед его 75-летием, в мае 2008 года, Вознесенскому позвонили из редакции «Российской газеты» и попросили, если возможно, прислать новое стихотворение. Он немедленно откликнулся и прислал строки, которые дышали поразительной весенней свежестью и молодостью.

Ф-ки
Ухаживали. Фаловали.
Тебе, едва глаза протру,
Фиалки – неба филиалы –
Я рвал и ставил поутру.
Они из чашки хорошели.
Стыдясь, на цыпочках, вставляя
К тебе протягивали шею,
Как будто школьницы в гостях.
Одна, отпавшая от сверстниц,
В воде отпльывшая по грудь
Свою отдать хотела свежесть
Кому-нибудь, кому-нибудь...

Андрей Вознесенский

Крылатый парус взмыл над МГУ

Наталья ТУМКО,
г. Владивосток

1 июня в Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского состоялось награждение лауреатов и призеров литературного конкурса «Крылатый парус», объявленного Морским университетом, Приморским отделением Союза российских писателей и Владивостокской центральной библиотечной системой к 120-летию морского образования и 150-летию Владивостока.

Наверное, случайных совпадений не бывает. То, что церемония награждения победителей конкурса проходила именно в первый день лета, в День защиты детей, тоже не было случайностью. И не только потому, что со словом «дети» мы неизменно связываем надежды на будущее.

Речь идёт, прежде всего, о сохранении духовной связи поколений – именно в этом видели организаторы главную цель литературного конкурса.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что он удался. Было прислано более 150 работ в прозе, поэзии и публицистике. Активное участие в нём приняли 27 школ города. Несмотря на городской статус конкурса, работы шли из разных городов и регионов Дальнего Востока, Москвы и даже из Украины. Но главное то, что большинство конкурсных произведений было пронизано настоящим волнением и любовью, без которых не бывает истинных творческих удач. Любовью к морю и Владивостоку, любовью к дедам и прадедам, которые связали свои судьбы с морскими профессиями, любовью к родине, которая, несмотря на все испытания, остаётся великой.

Порадовал уровень работ во всех номинациях, он был достаточно высок, и жюри, состоявшее из профессиональных писателей, поэтов и журналистов, порой серьёзно спорило, кому отдать пальму первенства.

Церемонию награждения вела Галина Якунина, председатель Приморского отделения Союза российских писателей и шеф-редактор управления информационного обеспечения Морского университета. Она возглавляла и жюри «Крылатого паруса».

По словам Галины Павловны, работа жюри едва ли стала бы столь плодотворной, если бы не помогли Владивостокская центральная библиотечная система и городской Центр детского творчества. От имени ректора Морского университета библиотекарям и учителям были вручены благодарственные письма.

Церемония награждения в МГУ им. Невельского

Академик Дмитрий Лихачев заметил, что в переломные эпохи культура и образование России становятся делом народным, таким же, как спасение Отечества в великих войнах. Призовой фонд конкурса стал, без преувеличения, народным. Партнером «Крылатого паруса» выступил магазин «Книгомир», подаривший серебряным и бронзовым лауреатам денежные сертификаты. Свою лепту внесли в призовой фонд библиотеки Владивостока и Центр детского творчества, а также выпускники и сотрудники Морского университета.

А самый первый взнос поступил от Марии Филипповны Косяк, учительницы начальных классов 42-й средней школы.

– Это моя первая учительница, она стала моим Учителем на всю жизнь, – пояснила Галина Якунина. – У Марии Филипповны огромный педагогический стаж, свыше 60 лет. Книжки, которые мы вручили победителям и призёрам, это награда и от неё, учительницы, которая воспитала тысячи замечательных учеников, в том числе капитанов и стармехов, начальников портов и пароходств.

Начиная конкурс, его организаторы даже не могли предположить, сколько специальных призов придется учредить по мере поступления работ. Хотя уже с самого начала было ясно, что в возрастные рамки – от 14 до 25 лет – «Крылатый парус» не уложится. Уж очень много детей, не достигших «паспортного» возраста, любят море и Владивосток! В итоге специальный приз – «Самой юной участнице» – был присуждён восьмилетней ученице владивостокской 38-й школы Вике Хорольской.

«Я уехал с родителями из Владивостока в 2004 году, когда мне было 12 лет, – написал из столицы студент Московского государственного университета путей сообщения Сергей Чехранов. – И сейчас, проживая в Москве, я очень скучаю по морю, крикам чаек, захватывающим состязаниям курсантов в регатах, которые я любил смотреть с отцом, выпускником морского училища». Сергею, приславшему стихотворение, посвященное курсантской регате, присудили специальный диплом «За верность Владивостоку».

Ещё один специальный приз – «За лучшее интервью» – вручила ученице 45-й школы Татьяне Бабониной от университетской газеты «Меридиан» главный редактор Татьяна Каширская. Центр патриотического воспитания МГУ учредил специальный приз «Наследники славы» для ребят, работы которых были посвящены морякам торгового флота – участникам Отечественной войны.

Почти все сочинения, присланные библиотекой им. И.У. Басаргина, обращали на себя внимание замечательным оформлением. В итоге было решено провести ещё один конкурс – на лучший компьютерный дизайн. Победила в этом конкурсе Анастасия Попкова, ученица школы № 57. Специальный приз ей вручила Наталья Левченко, начальник интернет-отдела Центра информационных технологий. Кстати, именно Наталья Георгиевна стала автором эмблемы конкурса «Крылатый парус», которая украсила его дипломы: над легкой лодочкой, словно парус, изогнуто, «пушкинское» поэтическое перо – символ вдохновения и полёта.

И ещё один специальный приз – за лучшее художественное оформление – присудили выпускнице Находкинского филиала МГУ Оксане Волковой. Оксана прислала на конкурс поэтическую рукопись, которую дополнила тонкой лиричной графикой. Оксана стала призером и в номинации «Поэзия». На редкость гармоничное сочетание талантов...

«Бронзовыми» лауреатами конкурса «Крылатый парус» в номинации «Поэзия» стали Егор Ситников, ученик 8 класса 35-й школы, и Александра Щеголева, девятиклассница школы № 61.

В номинации «Проза» третье место заняли девятиклассница Ирина Стеценко и аспирант института истории ДВО РАН Александр Рыбин.

В публицистике соответствующие дипломы вручили Дарье Дементьевой, ученице школы № 6, и Владимиру Шведову, лицеисту ДВГУ.

«Серебро» в поэзии было присуждено студентке Инне Атрощенко, в прозе – Наталье Титовой, дочери капитана, приславшей на конкурс интересный дневник, написанный во время рейса на Камчатку. Второе место с нею разделила студентка Владивостокского художественного училища Варвара Степанова. Её весёлой сказке «Как я стал моряком»

Вячеслав Протасов вручает дипломы в номинации «Поэзия»

можно было дать подзаголовок «Записки корабельного кота», она очень понравилась всем членам жюри.

Диплом второй степени в номинации «Публицистика» присудили 14-летней Наталье Мозговенко, которая, узнав о конкурсе из Интернета, прислала из Донецкой области (Украина) публицистическую статью «И все-таки мы думаем по-русски». Отрывки из неё зачитала Татьяна Каширская, и во время чтения в переполненном зале стояла звенящая тишина. Ещё один серебряный диплом за публицистику вручили восьмикласснице Найденовой Марии за эссе «Море в моей судьбе, или Невыдуманная история сухопутного человека». Эта документальная проза была написана таким ярким эмоциональным языком, что члены жюри даже заспорили: публицистика это или беллетристика? В любом случае свой почётный диплом Маша заслужила по

праву.

В номинации «Поэзия» победила Валерия Федоренко, выпускница ДВГУ, молодой журналист, лауреат многих краевых и региональных конкурсов поэзии.

В номинации «Проза» победу присудили Алисе Ухань – студентке ДВГУ. Алиса учится на химическом факультете и, несмотря на столь далёкую от литературы специальность, в душе она – самая настоящая сказочница. Девушка прислала на конкурс целую серию маленьких сказок, озаглавив их «Сказки приморского города». В каждой из них полноправными героями выступают море и Владивосток. «Это город, приехав в который, влюбляешься сразу и навсегда», – признается в своем коротком вступлении автор. Диплом и приз Алисе вручила Светлана Капинос, заместитель председателя Приморского отделения СРП, автор нескольких сказочно-фантастических книг. «Родная душа», – улыбаясь, обняла победительницу Светлана Николаевна.

Кстати, все члены жюри вместе с призами вручали победителям эксклюзивные подарки: свои книги с автографами.

Победителем конкурса в номинации «Публицистика» стал ученик 57-й школы Борис Тимофеев. Его работа посвящена прадеду-моряку, Евгению Васильевичу Соколову. В 1943 году пароход «Ильмень», на котором шел Борин прадедуска, был торпедирован и затонул буквально в считанные минуты. Это было 17 февраля, в день рождения Евгения Соколова. Ему исполнилось тридцать лет... На его глазах ушел в морскую пучину лучший друг, начальник судовой рации. Но части экипажа удалось спастись и добраться на плотках до берега. «Ильмень» – это один из двадцати пяти пароходов ДВМП, которые погибли в огненных рейсах. Примечательно то, что двенадцатилетний Борис уже несколько лет ведёт тетрадь, куда заносит воспоминания своих бабушек и других старших родственников. Он вместе с другими ребятами занимается в клубе «Родовед» при библиотеке Басаргина. Уже стал призером нескольких конкурсов, в том числе – Всероссийского.

Конечно, низкий поклон семьям, учителям и библиотекарям, которые занимаются с ребятами. Но немаловажно

то, что сами школьники искренне интересуются прошлым своей страны, болеют за её настоящее и верят в её будущее.

Владивостоку очень нужны мосты, которые возводятся сейчас над бухтой Золотой Рог. Но ещё более необходимы ему мосты духовные, которые связывают Приморье и Украину, Владивосток и Москву, восток и запад, прошлое и будущее, поколения и пространства. И пока эти мосты

будут крепиться из поколения в поколение, Россия будет жить. В этом – главный урок литературного конкурса «Крылатый парус».

Ниже мы предлагаем вниманию читателей рассказ Алисы Ухань и статью Наташи Мозговенко.

Алиса УХАНЬ

Сказки приморского города

Корабельный кот

Олегу Медведеву – известному барду, автору песни про Корабельного Кота; Сергею Черкасову – моему любимому художнику из Владивостока и человеку по имени Михаил, подарившему мне полтора месяца счастья...

Одна из последних улиц старого Города, еще не уничтоженного цивилизацией. Старое трехэтажное здание, построенное в стиле «эkleктика». На его крыше – четыре мансардных комнаты. В одной из них почти никогда не гаснет ночью свет, а небольшое окно круглый год и в любую погоду распахнуто настежь. На подоконнике стоит стакан с огромным букетом полевых цветов, чей дивный аромат порой доносится до земли и вечно спешащих куда-то прохожих.

В углу этой небольшой, с покатым потолком комнатки – низкая тахта, покрытая старым, потертым пледом. Стены сплошь, от пола до потолка, оклеены листами рукописей – стихами, романами, страницами дневников – и черно-белыми фотографиями города, моря, людей. Со стен улыбаются старик, мальчик, девушка... Груда вещей на полу. Ноутбук. Песчаного цвета гитара. На вешалке висят черные драповое пальто, шляпа, длинный вязаный шарф. Посреди комнаты – этюдник. Кисти, краски, бумага. Художник что-то не торопясь рисует акварельными красками. Ему не нужно мешать... Художник – молодой, но уже зрелый мужчина. Его бездонные серо-карие глаза зорко, с прищуром смотрят на мир. Он похож скорее на боцмана с какого-нибудь корабля, чем на человека искусства, – высокого роста, загорелый, с могучими руками, в которых кисточка кажется иголкой...

В этой комнате на двери (или вместо неё...) висит огромное, в рост человека, зеркало. Часто в нем отражается не совсем то, что должно быть – то есть комната, окно, дом на противоположной стороне улицы... но множество других удивительных и невероятных вещей: пляж, старые рыбацкие домики на побережье, сохнувшие сети и лодки; или иногда это бывает бескрайняя, вся в ярко-алых цветах степь, за которой высят снежные пики гор... Оно было своевольным, со своим волшебным характером, это зеркало. Но только никогда оно не отражало людей. И вот однажды... в одну из тех тихих летних ночей, когда засыпали даже ветра, когда небо пересекал своей жемчужной полосой Млечный Путь – тонкий, словно золо-

тая нить, луч молодой луны, стремительно скользит над морем, едва касаясь крыш, задевая сны – попадает в распахнутое настежь окно мансарды, касается гладкой поверхности зеркала. На мгновение комната озаряется тонкой, еле уловимой вспышкой бело-голубого света. Работа Художника завершена. Высохла акварель. Он подходит к зеркалу, касается пальцами его поверхности в том месте, где должна быть дверная ручка. На мгновение поверхность стекла вздрагивает, и Художник стремительно проскальзывает сквозь неё. Он оказывается на пороге старого деревянного дома, построенного сотни лет назад... За его спиной – обыкновенная дощатая дверь. Дом стоит в тихом, уютном дворике, окруженном двух- и трехэтажными домами из старого темно-бордового кирпича, со стенами, увитыми девичьим виноградом, с цветами в балконных ящиках и бельем на веревках, натянутых между домами. А за ними – пляж. Над заливом низко висит молодой месяц, и от него до самого берега протянулась тонкая дрожащая золотом дорожка. Искрится песок. Тихо покачиваются уснувшие рыбацкие баркасы у пирса... Ночь.

Не спеша, Художник подходит к самой кромке берега, зачерпывает ладонью горсть морской воды, словно смешанной с лунным светом, обмакивает в неё кисточку и – быстро что-то рисует на песке этой волшебной светящейся краской. Необыкновенно сильная волна приборя вдруг накрывает его с головой... и рисунок оживает – это оказывается огромный полосатый Кот с искрящимся лунным светом мехом. Смеясь и пофыркивая, Человек и Кот возвращаются к дому. Они усаживаются на широком крыльце, снимают с плиты сам собой закипевший чайник и пьют чай с плюшками. Кот рассказывает Художнику очередную историю о сказочных южных морях, о гордых и прекрасных клиперах и бригантинах и их отважных капитанах... Художник показывает Коту свою новую акварель. Тот одобритительно кивает и незаметно проводит по ней своей мягкой пушистой лапой... Они проговорили до рассвета. С первыми лучами солнца Кот попрощался с Художником и вскоре стремительно растаял, словно дым; лишь взметнулось в воздухе искристое облачко соли. Поднявшись, человек распахнул дверь – и вновь оказался в той же самой комнате на крыше. Занимался день.

Однажды директор галереи, где выставлялись акварели этого известного в Городе художника, почему-то задержалась на работе до темноты. В последний раз заглянув в зал, она невольно замерла в изумлении: вся комната была наполнена светом, напоминающим лунный, который исходил от полотна. Город, и без того сказочно-красивый, в свете ночи был еще более прекрасен...

...И только Художник знал, что это чудо – дар Кота. Корабельного Кота.

И всё-таки мы думаем по-русски...

Наталья МОЗГОВЕНКО, 14 лет.
Украина. Донецкая область,
г. Докучаевск, Дом детского
и юношеского творчества,
юнкоровский клуб «Блик»

Я живу в Украине, в Донецкой области. Жители нашей области разговаривают на русском языке, в отличие от других областей нашей страны. Мои родители, бабушки и дедушки всю жизнь говорили на русском языке. Многие мои родственники живут в Санкт-Петербурге, Москве, Владивостоке, на Сахалине. Я редко, но приезжаю к ним.

Владивосток – самый красивый город, в котором я была. И была-то всего один раз, когда мне было 10 лет. Когда этот город на воде спит под звёздами, на судах и причалах зажигаются огни...

Знаю, что за 150 лет своей истории Владивосток пережил пять войн и ряд вооружённых конфликтов, но его военные и торговые моряки всегда достойно выполняли свой долг перед Отечеством, проявляя мужество и массовый героизм. Здесь была завершена гражданская война в послереволюционной России. Из Владивостока координировали боевые действия в войне с милитаристской Японией в августе 1945 года.

НАШ народ помнит о великом военном прошлом Владивостока: это город воинской славы. Этот город не допустил захвата Великобританией русского Дальнего Востока. Именно Владивосток стал главной базой снабжения русской армии иностранным вооружением в годы первой мировой войны. Его уникальная крепость была главным фактором, который сдерживал агрессоров всех мастей на юге Дальнего Востока. Ведь крепости для того и строят, чтобы устроить врага. За время существования Владивостокской крепости пало много фортификационных сооружений, начиная с русского Порт-Артура и заканчивая немецким Кенигсбергом. Были прорваны сверхмощные оборонительные линии Мажино, Маннергейма и т.д. Но, зная о высочайших военно-технических характеристиках системы обороны Владивостока, враги никогда не испытывали ее на прочность. Военная доблесть Владивостока воспета в многочисленных литературных произведениях, кинофильмах и песнях.

Война – самое страшное слово на всех языках мира: это смерть, слезы, насилие, голод, разруха... На войне калечится и погибает много детей, которые мечтали жить счастливо, учиться, работать, творить. Я думаю, что с войной нельзя бороться. Её можно не начинать. Как хочется крикнуть: «Люди, берегите мир на земле: его цена неимоверно велика!».

В Великую Отечественную войну вместе воевали русские, украинцы, белорусы, многие люди других национальностей, и все были родными. Моего прадеда вот уже 3 года, как нет в живых, но до сих пор школьники из питерской школы и из школы Владивостока пишут ему письма. Прадед с ними вёл активную переписку, пересылал свои воспоминания и некоторые исторические документы, которые сейчас хранятся в школьном музее.

Долг памяти перед защитниками Отечества – это долг справедливости. Мы – прямые наследники героев былых

времен. И у нас есть обязательства перед ними. Долг элементарной благодарности тем, кто предшествовал нам, за то, что мы есть на свете.

Когда Советский Союз распался на 15 независимых государств, НАША Родина не стала меньше. Она осталась в сердцах украинцев и белорусов, молдаван и казахов, всех наших родителей, бабушек и дедушек..

Наше правительство издало закон о том, что украинцы должны разговаривать только на родном языке, и в школе у нас нет уроков русского языка, теперь русскую литературу мы изучаем как зарубежную. Английский у нас тоже в переводе на украинский, как и вся деловая документация. Но думаем мы всё-таки по-русски.

Хочу процитировать великого писателя: «Какая у меня душа – хохляцкая или русская – сам не знаю. Знаю только то, что никак не дал бы преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы щедро одарены Богом, и как нарочно, каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую» (Н.В. Гоголь).

Мне стыдно, что язык, который 83% населения считают родным, до сих пор не стал вторым государственным и продолжает ущемляться.

Мне стыдно, что в Украине самый большой запас чернозёма в мире, а уровень зарплаты – самый низкий в Европе, включая Беларусь и Молдову.

Я хотела бы жить в такой стране, где взаимоотношения между государством и гражданами построены на честности, порядочности, уважении друг к другу... Самое главное, чтобы ни один человек не был лишним в моей стране. Хочется, чтобы НАША Родина была великой и сильной державой, с которой считаются в мире, а не служанкой, которая вечно должна другим. Пусть сейчас в ней не так легко жить. Но разве Россия и Украина впервые находятся в трудном положении? И каждый раз русский народ вместе с другими народами, живущими здесь, возродил Родину. Неужели на нас закончится великий народ, великая страна? Нет, не верю.

Просто пришла наша очередь поставить на ноги и возродить Великую Россию. Мы должны верить в неё, не покидать ее, а жить в ней и работать. Любить ее, ценить, воспевать. Ведь это НАША Родина! Я верю в то, что страна, о которой я мечтаю, – это Россия в недалеком будущем. Я верю, что в НАШУ страну будут приезжать иностранцы, чтобы перенять опыт, а слова «Россия», «русский» в мире станут синонимом высоких достижений в науке, культуре, экономике...

И я буду стремиться к тому, чтобы мои потомки жили в мире с ВЕРОЮ, НАДЕЖДОЙ И ЛЮБОВЬЮ, чтобы они сказали нам спасибо за то, что у них такая жизнь и такая СТРАНА.

Память – это благодарность.

Память – это долг.

Память – это жизнь.

Я помню, значит, я живу...

Обретение или утрата?..

Наталья ФЕДЧЕНКО

(О мотиве «возвращения» в современной прозе)

Сущность русской литературы была сформулирована Ю.И. Селезневым как «признание центральности народа в системе общемировых ценностей» [1; 31]. Сходные мысли высказал в статье «Истинное величие – почвенно» В. Горн. Он пишет: «...Русская литература в ее “деревенской” ветви стала в последние годы, пожалуй, единственной наследницей православной традиции, сохранившейся еще в народно-христианской жизни».

Именно крестьянские писатели сберегли и высказали свою любовь к народной жизни исповедально и последовательно, с полным осознанием своего назначения в решении общих вопросов жизни...» [2; 17]. Исследователь подчеркивает, что писатели пришли к образу деревни, «ведомые двумя основными христианскими чувствами: любовью и состраданием к судьбе своей праматери» [2; 20].

О ложности и, как следствие, гибельности вектора, ведущего не к земле, а от земли, пожалуй, первым в отечественной художественной прозе заговорил В. Белов. Герой его «Привычного дела», чей уход из (от) деревни метафорически сравнивается с морокком: «...Будто в тумане катится солнышко», – покидает деревню, чтобы вернуться к поджидавшему его горю, к распавшемуся семейному ладу. Горе свершается не по вине героя, но становится возможным в его отсутствие.

О расставании с родиной, которую сегодня принято и даже модно называть «малой», и повесть В. Распутина «Прощание с Матерой». Показательно, что писатель создает финал, который можно назвать «открытым»: уйдет под воду Матера, покинут ее осиротевшие жители, и мы не знаем, что будет с деревней – страной, потерявшей извечную опору, крепь. Момент духовного искупления автор выводит за пределы произведения.

В переломное время мотив «возвращения» обретает особое смысловое наполнение. Из катаклизма рушившейся действительности, от погони за политическими идеями и идеалами выход видится естественный – к земле, к исконным опорам, к тому быту деревенского мира, который напрямую соотносим с бытием. «Крестьянский двор, – отмечал в свое время А. Ланщиков, – это не просто жилье... а сложившаяся в ходе многовекового развития жизнестойкая универсальная ячейка общей структуры земледельческого хозяйства, в основе которой лежат семейные отношения» [3; 66].

В большей степени в прозе 90-х речь идет не о том, как и почему герои потеряли спасительный берег земли, а о том, как его вернуть. При этом обретение себя на земле становится неотделимым от спасения земли, от осознания своей вины перед нею и необходимости покаяния.

Мотив «возвращения» как обращения к истокам отразился в повестях «Пречистое поле» С. Михеенко, «Крик в ночи» Б. Екимова, «И дам ему звезду утреннюю» А. Трапезникова, «Куст шиповника» М. Ворфоломеева.

В повести Л. Бородина «Третья правда» спустя много лет (срок заключения, данного Рябину, и срок духовной нево-

ли, установленной Селиванову) герои возвращаются к тому, с чего началось их обоюдное противостояние: к разрушаемой, гибнущей, оскверняемой тайге.

После пятидесятилетнего отсутствия возвращается в родное село герой повести В. Крупина «Великорецкая купель» Николай Чудинов, продолжая затем свой путь к купели, к искуплению и духовному очищению.

«Возвращение» в повести Б. Екимова «Наш старый дом» – это, в большей степени, обращение к прошлому, нежели к будущему. Старый дом не осознается опорой в настоящем: «Старая кухня, старый сарай, старый погреб... На наш старый двор пришла пора запустенья, мелкая трава “гусынка”, почуяв волю, полонит двор. <...> Это трава забвенья...»

Несколько символично, но оттого более показательна необходимость спасения земли для духовного обретения себя человеком отразилась в повести Н. Тяпугиной «Роман в десяти письмах», опубликованной в альманахе «Краснодар литературный». Главный герой – Олег, то «вполне дикий», то «почти святой» человек, в зависимости от жизненного «контекста», и наконец, просто Олег, возвращается к жизни, в которой «ни амбиций, ни преференций, ни гламура, ни менталитета». От письма к письму, отправляемых героем, воссоздается не только деревенская жизнь, но и меняющееся самосознание человека, к этой жизни обратившегося, находящегося еще только на пути от дачника к жителю, от временщика к «своему».

О возвращении героев к себе прежним говорится в повести А. Трапезникова «Свет и тени в среде обитания» и «Романе, который мне приснился» А. Громова. У героя последнего произведения, сбежавшего из большого города в райцентр, невозможность разумом осознать цель «возвращения» сочетается с внутренним ощущением его необходимости.

В прозе более позднего периода, при, казалось бы, прежнем векторе движения, принципиально меняется его смысл, внутреннее наполнение. И важно понять, что сближает (или не сближает) новых «возвращенцев» с авторами, которых можно отнести к наследникам традиции «деревенской» прозы либо непосредственно к писателям этого направления.

Заблудившееся поколение не знает, к чему следует возвращаться. У него, у этого поколения, есть не только досоветское, но и советское прошлое, о чем пишет в повести «Звездочка» А. Варламов. Об этом же его повествование «Теплые острова в холодном море», в котором образ Соловков – это символ самой России с ее соединившимися в одной судьбе высокой праведностью и пропастью атеизма. В произведениях последних лет «смысловая избыточность» политических реалий сменится вневременным желанием героя обратиться к началу, к истоку. Тут-то и возникает вопрос: зачем? что ищет в глухой деревне или в родном, но давно покинутом родном уголке персонаж новой прозы, как правило, персонаж автобиографический.

Оправдывая себя общей духовной сумятицей, герой уже

не стремится спасти гибнущий деревенский лад, но желает найти в нем островок, на котором смог бы обрести собственную гармонию. «Мне нужен был дом в деревне как точка отсчета, чтобы создать самого себя и вырваться за те границы, которые ставило передо мною благополучное городское существование», – пишет в «повести сердца» «Дом в деревне», произведении, которое он считает «самой большой своей удачей» [4], А. Варламов. В определенной степени можно говорить о промежуточном положении прозы этого писателя. Он не наследует традиции «деревенских» писателей, но и не стремится окончательно от них отказаться.

Дом, изба в дальнем сибирском краю, для героя – не одно-единственное, а лишь одно из многих пристанищ, как и один из возможных вариантов существования – жизнь с домом или без него: «Было мне чуть грустно – точно, приобретя дом, я потерял и свободу, и независимую, никому не подвластную молодость». Движение на лодке мимо и мимо бесчисленного множества деревень, глухих уголков или живописных мест показательно: для героя они всего лишь пейзаж, вписавшийся в его внутренние духовные искания.

Но сопричастность обретаемому миру у героя все-таки рождается. Несмотря на то, что «крапива и репейник» – знак запустения деревенского жилища – видятся ему «июньским разнотравьем и разноцветьем», и нравится не пригодность для жилища, для продолжения в ней извечного течения жизни, а «антикварность» избы, увиденный дом перестает быть похожим на другие, как «деревья в лесу»: «Дом действительно, казалось, стоял и дожидался меня много лет».

Так и будет проходить, не затрагивая героя, колхозная жизнь, и сойдется он лишь с деревенским индивидуалистом Малаховым, напоминающим (вплоть до цитат) Селиванова Л. Бородин («Третья правда») и его же Михаила Будко («Божеполье»). Но главное – возникнет попытка обиходить, наполнить прежней жизнью пусть даже малый мир, принять мудрость, хранящуюся на земле – и неотделимо от земли: «Диалоги наши (героя-рассказчика и Малахова. – Н.Ф.) напоминали разговор деда с внуком, изводящим взрослого человека бесконечными “почему?” и “а это что такое?»».

В других произведениях Варламова мотив «возвращения» получает более сложное решение. Это и возвращение не к земле, а просто к тому месту, где родился, чтобы затем уже обрести «свою» деревню – в романе «Лох». И невозможность вернуться к миру, который перестал существовать (повесть «Купол»).

И.А. Ильин выделял два типа страдания: страдание мира и страдание человека в мире и страдание человека о мире и о его страдании. «Только страдание о мире приближает человека к Богу» [5]. Пытаясь обрести не мир в себе, а себя в мире, герои себя же и теряют... И если герой А. Варламова порой чувствует себя «самозванцем, временщиком», наблюдающим за «незнакомой таинственной жизнью», и страдает от этого, стремится преодолеть внутренний надлом, то у З. Прилепина «возвращение» обретает иное наполнение. Он в родной деревне ощущает себя «странным и непривычным... словно на Луне».

Возвращение-вспоминание организует структуру рассказа писателя «Бабушка, осы, арбуз». На первый взгляд, произведение сохраняет традиции «деревенской» прозы. Герой с любовью вспоминает прежние годы, собирающий семью труд на земле, радость отдыха после работы.

Но от строки к строке небольшого по объему повествования все явственнее ощущается отстраненность героя от изображаемого. Он не принимает участия в общем труде – и с ироничного попустительства бабушки, и сам не испытывая

большого желания выполнять тяжелую работу. Впрочем, не только молодой герой, но и все мужчины стремятся уклониться от уборки картофеля. Сцена полевых работ становится искаженным повторением изображения того же крестьянского труда в лирично-пронзительном распутинском «Прощании с Матерой».

Бабушка, если говорить об идейном наполнении образа, напоминает и Дарью В. Распутина, и всю череду «деревенских» старух. Есть в ней трудолюбие, незлобивость, умение понять и принять человека. Но такова бабушка, которая, возможно, живет за пределами художественной реальности Прилепина. Художественное же решение образа получилось ходульным. Автор обращается к теме духовного слияния человека с окружающим его – родным ему – миром. Эта тема, восходящая к житийному изображению православных святых (И. Ильин писал об общении с природой на уровне духовного понимания, возвышенного до такого состояния, когда сама природа признает отшельника, затворника за невинного, гармоничного прадитяю, повинуется ему [6; 177]), была своеобразно решена В. Крупиным. В «Великорецкой купели» (и, отчасти, в других повестях) речь идет о близости к природе и живым существам всех живущих на родной земле, о «комариной прапамяти».

Бабушку в рассказе Прилепина не трогают осы. Вот только непрочувствованность ситуации доводит ее до неуместного комизма: «...Бабушка сидела недвижимо, медленно поднимала поданный ей красный серп арбуза и, улыбаясь, надкусывала сочное и ломкое. Осы ползали по ее рукам, переползали на лицо, но она не замечала. Осы садились на арбуз, но когда бабушка откусывала мякоть, они переползали дальше, прямо из-под зубов ее и губ, в последнее мгновение перед укусом. <...> ...Бабушка смеялась и вправду только что заметив ос... поднимала красивую руку с ломтем арбуза, по руке переползали две или три осы и еще две сидели на корке... Она откусила арбуз и еще одна оса, сидевшая на щеке, легко и без обиды взлетела...»

Герой, в воспоминаниях и в реальности, хочет вернуться во «вчерашнюю деревню». Но прежнего мира уже нет, да и не было: его гибель началась задолго до осознания этого рассказчиком. И это вызывает у главного персонажа не горечь, не сожаление, а раздражение. Он не слышит и не желает слышать бабушку, и вместо дорогих ему (так декларируется в повести) родных мест видит «огромную пустоту» и спешит убежать от нее. Не мир отвергает пришедшего к нему человека – он сам довершает его разрушение. Оса, одна из тех, что некогда не могла причинить боль бабушке, оказывается убитой героем.

Размышления рассказчика о приснившейся ему лодке, на которой, он надеется, «скоро отчалим, скоро поплывём», не поддерживается художественным строем рассказа. Ответ на вопрос героя о его отношении к земле уже прозвучал в повести В. Распутина: «Прощай... прощай. Не дай, Господь, чтобы жизнь твоя показалась тебе легкой».

Литература.

1. Селезнев Ю.И. Мысль чувствующая и живая: Литературно-критические статьи. – М.: Современник, 1982.
2. Горн В. «Истинное величие – почвенно». // Алтай. – 1993. – № 5.
3. Ланщиков А.П. Избранное. – М.: Современник, 1989. – С. 66.
4. Варламов А. Москвич с домом в деревне // [Российская газета – 2006. – 7 марта](#).
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. – Т.6. – кн. II – М.: Рус. книга, 1999.
6. Ильин И. Сущность и своеобразие русской культуры // Москва. – 1996. – № 2.

Птицы беспокойные умолкли...

Дмитрий МИЗГУЛИН,
г. Ханты-Мансийск

Старя Ладога

Молчат над Волховом курганы.
Былинный ворон чертит высь.
Страстей вселенских ураганы
Давно в могилах улеглись.

Смотрю, как волховские волны
Стремятся в ладожский простор,
И глупым кажется, никчёмным
Любой серьёзный разговор.

Что наши страсти и стремленья?
Пустопорожние слова...
Склоняется без сожаленья
Под ветром летняя трава.

Сжимая памяти обмылок,
Бреду, молитвою храним...
И вечность дышит мне в затылок
Немым язычеством своим.

Не ощущаем как когда-то,
Во всём присутствие Творца.
В эпоху хамства и разврата
Живём в преддверии конца.

Не зная ни причин, ни сроков,
Охотно верим в миражи.
И слушая чужих пророков,
Купаемся в потоках лжи.

Бегим за сумрачной столицей,
Которую попутал бес,
И ждём заморских инвестиций
Как раньше жаждали чудес.

Надежда умерла. А мы живём.
Ни Родины. Ни памяти. Ни песен...
А ты твердишь,
что стало интересно,
Что жизнь идёт
как будто на подъём...

Россия вся в витринах и витринках.
Всё в розницу:
свобода, совесть, честь.
Но рады и застолью на поминках,
Поскольку можно выпить и поесть.

Опутано ложью полмира.
Не вырваться нам из цепей.
Всё больше и больше кумиров
У Родины бедной моей.

О, сколько предсказано сроков!
Тускнеет звезда на челе.
Всё больше и больше пророков
Идёт по бесплодной земле.

Не пашут, не сеют, не поют,
Едят с аппетитом и пьют.
О, как они сладко глаголют!
О, как они сладко поют!

Камней раскидали мы груды.
Поди их теперь собери!..
И снова толкуют чуды
Про отблески новой зари...

Я бред этот слушать не стану.
Не стану я им возражать.
Пораньше сегодня я встану,
Поеду картошку сажать.

Как скромный,
но знающий зритель
Молчу – и на мне есть вина, –
Но всем по заслугам Спаситель
Воздаст по заслугам сполна.

Наладится жизнь понемножку.
Вернётся державная статья.
И время настанет картошку
По осени снова копать.

Стихи писали километрами,
А издавали килограммами...
Когда-то восседали мэтрами,
Теперь закусывают с хаммами.

Когда-то числились учёными,
Чьим очень дорожили мнением,
Но ложь, однажды изречённая,
Теперь карается забвением.

А я живу в своей безвестности,
Хоть тяжелей с годами пишется,
Иду пересечённой местностью,
И мне легко, как прежде, дышится.

Можжевеловая роща

Не выходит всё же жить попроще,
Но на день отрину бытие.
Здравствуй, можжевеловая роща,
Светлое пристанище мое.

Высоки над Ладогой закаты,
Чайки польхают на лету,
И стоят деревья, как солдаты,
Охраняя эту красоту.

Птицы беспокойные умолкли,
Я иду легко, травы не мну,
Глажу изумрудные иголки
И боюсь нарушить тишину.

Вечер, как дождём промыт,
прозрачен,
Профильтрован он сквозь изумруд,
Но смотрю – под будущие дачи
Колышки забиты там и тут.

Там и тут
размерено пространство,
Тут и там проложена межа,
Делят Богом данное
пространство,
Режут мою рощу без ножа.

Дом воткнут. Насадят огороды.
Сотворят казарменный уют.
И творенье дивное природы
За полгода насмерть изведут.

И погаснут дивные закаты,
И охватит мир глухая мгла,
И согнутся стройные солдаты,
Проржавев, осыплется игла...

Красота спасёт – чего уж проще,
Но молю, чтоб милосердный Бог
Эту можжевеловую рощу
От людей безумных уберёг.

Простая история

Николай ЧАЙКА,
Подмосковье

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

/триптих/

Моим ровесникам посвящается

1

Милая Родина!

Гроздьями – родинки
чёрной смородины на огороде;
красной смородины
грозные плети –
в горле над пропастью
и на штакетнике.

Брызгами, с хохотом –

голые всадники;
сладкие хлопоты пчёл в палисаде;
и для погоста, и от ангины –
в рост гладиолусы и георгины!

Голубь за пазухой,

с норовом горлица –
вслед за проказницей
в стог за околицей!

С пташкой разгонишься –

кушать захочется...
Матушка в горнице
не нахлопочется –

с мёдом оладушки,

с пеночкой ряженка...
Небо с пожарами меряем
в саженках!

...Русью вскормлён и пропитан я –

озером
слёз материнских
и соком берёзовым.

2

Разлуки и горести,

победы и почести –
не скучная, в общем-то,
простая история.

А реки – с порогами,

а горы – с отрогами,
и воля не сказками,
и доля солдатская.

Лихими заботами

судьбы подорожная:
Россия – свободная,
Рассея – острожная!

А если с угарами

по грамоте Филькиной
Рассея финт выкинет,
Россия – помилует.

На Запад запродана,

с Востоком помолвлена –
в неволе намолена
любимая Родина!

...Я в Русь Пересвета,

я в Марфу-посадницу
поверил, и вера моя –
православная.

3

Пройдено сроками скорбными,
тропами вербными, с грозами.
Спорили, миром и в строгости
строили Русь соборную.

В поле страда – не скосили нас!
Сдюжили, выжили, выросли –
под пулевыми ливнями,
как цветы полевые.

Детство на бухте Шамора

с галстукком пионерским...
Мне в Куршавель со шмарою
не-ин-те-ресно!

Память храню по полочкам

в ящиках для рассад –
жаль, что в моём питомнике
каменный палисад.

Ангелы спишут грешнику

веру в КПСС –
тяжкий ношу, всамделишный,
а не нательный, крест.

Старо-Русская школа

Учителям и выпускникам-2002
посвящается

Есть такая река – Вертушинка!

Бьёт шутя мировые рекорды:
вертит шар земной, как пушинку,
на порогах берёт аккорды.

На заре открывает путину
серый ткач, сотворив паутинку,

здоровенные, как Буратино,
комары исполняют лезгинку.
Лоси – грузди! И белые гроздьями
в лопухах заседают, как лорды,
и сверкают июньские звёзды,
как опята на пнях беспородные.

Хвойный лес облака расцарапал,
можжевельный куст ошипован –
это мой деревенский Монмартр:
Старо-Русская средняя школа!

В ночь вплетаясь –

волшебным образом
в галактические структуры, –
спортплощадка стоит,
как обелиск –
храм учителя физкультуры.

Он велик – российский Учитель!
Беззащитен. И хватит лгать –
заплатите ему! Прекратите
Христа ради ему подавать.

Был визит: посещал нас

доблестный
губернатор Московской области –
обещал золотые россыпи...
Власть имущие – странные особи.

Госбюджет – у братков и богемы,
боссу «зеленью» школы свело, –
Старой Рузе немного бы денег,
в Старой Рузе родился бы гений, –
жаль, не Царское это Село.

Это – Русь. Ею я очарован;

но Америку нам догонять
как же, если народ четвертован,
если «Отче наш» –

«мать-перемать»?

Выпускник! Не гаси улыбку;

прочь – оскал золотого тельца!
Не проси золотую рыбку,
не теряй своего лица.

...И терновый венец ошипован;
ясноглазые, светлые лики,
Старо-Русская средняя школа
и Россия – равновелики.

Муза в путь позвала...

Нина ИСАКОВА,
г. Уссурийск

Заветная тропа

Жизнь не даёт нам шансов
на победу,
И обречён не каждый на успех.
Я на трамвай взяла билет и еду
Туда, где счастье,
молодость и смех.
К тем берегам, где с чудом
по соседству
Есть непременно ключик золотой,
Но так далёк
тот милый берег детства,
Где светлый образ мамы молодой.

А я – всё дальше,
в край любви крылатой
Качу в трамвае, не сбавляя ход.
И звёзд полёт,
и запах свежей мяты
Скрыл безнадёжно новый поворот.

Не лучше ль спрыгнуть
за две остановки?!
Теперь спешить –
лишь насмешить толпу!
И я живу – не в счёт
судьбы уловки! –
Ищу одну заветную тропу.

А я всё в дороге...

Ты спишь, отрешённый
от чуткого мира.
Во мне же звучит
тонкострунная Лира.
И льётся, и льётся
откуда-то свыше
Мелодия грусти
то громче, то тише,
До края наполнила сердце тоскою
О чём-то высоком. О вечном покое.
Я мысли свои посылаю упрямо
Туда, где мой дом у дороги,
где мама.
Там юности нежной пора золотая,
Дорог километры, а я всё шагаю...
Проворное время –
водой между пальцев
Среди суеты, среди правды
и фальши.
Лишь ночь мне сестра!
В её звёздной накидке

Живительных слов
первозданные слитки.
Но вот и рассвет
в голубом оперенье!
Как сладки бывают
к утру сновиденья!
И голубь мой спит,
крепко смежив ресницы.
А я... всё в дороге!
А мне всё не спится!

Позывные миров

Мне ночь приносит
каждый звук в тиши,
И открываются миры иные.
Ловлю таинственные позывные
Настороженной амфорой души.

Воображенье рвёт
столетий холст
И проникает в неземные суги.
Рогатый месяц дремлет
на распутье,
И вижу звёзд в распяты
окон горсть.

Всё призрачно –
до трепета вокруг!
Глаза враспах –
до ломоты в глазницах!
Сквозь тьму веков
несутся колесницы,
И плач Кассандры вещей
ловит слух.
Лишь поутру во сне
смогу забыться...

Муза в путь позвала

Муза в путь позвала.
Ноги режет осока.
Брода нет, но иду у болота
в тисках.
Мне не надо наград
и регалий высоких,
Только б стих мой цветком
расцветал на устах.
Не хочу суеты,
что в упряжке со славой.
Драгоценный хомут
ранит шею больней.

Мне бы зори встречать
под берёзкой кудрявой,
Любоваться звездой,
что восходит над ней.

Я хочу для себя лишь
попутного ветра.
Мне сподручнее с ним
песни петь в унисон.
Жизнь благая моя –
голубая комета, –
Не спеши закрывать
от меня горизонт!

Сладко в небо моё
упираются звуки,
Прорываясь стихом,
обретают полёт.
Я разверзну
свои истомлённые руки
И, от счастья смеясь,
обниму небосвод.

Откровение

Дожди по-стариковски отбубнили,
Мир посвежел,
отмыв лицо от пыли,
И вот уже в разрывах облаков
Аквамарин озёр открыло небо.
С плеч отряхнули
тяжесть влаги вербы,
И высохли дорожки у домов.
Душа моя, как островок
открытый,
Ветрами буйными житейскими
обжитый.
В неё не раз бросали мусор слов,
Меч зависти её пронзал нещадно,
Но, боль стерпев,
она из хлама жадно
Вбирала свежесть
чистых родников.
Не сетую, что ей с лихвой
досталось,
Иначе б в лунном свете
не рождалась
Стихов созревших
трепетная плоть.
Я плащ гордыни на кресте распяла,
А ложь презрев, душа лишь чище
стала,
И я храню любви в ней
сладкий плод.

Бирка

Юрий ЛЮБУШКИН,
г. Николаевск-на-Амуре

/отрывок из повести/

Бежит по тропинке, пригибая голову, мальчишка-лейтенант. Глаза у мальчишки строгие-престрогие. Со знанием дела и чувством выполненного долга. Значит, ещё не обстрелянный птенец, только-только, видать, из училища. Сколько их, вот таких несмышленишек, на плацдарме полегло, ё-моё?! Не счесть! Сегодня был – а назавтра уж убили. Не то что в лицо толком запомнить, фамилию за день-два, что был с тобой взводный, уже и не вспомнить. Эх, жизнь, жизнь! Ну, Гитлер, паскудник, доберемся мы до тебя! Ты нам за все ответишь, фашистская морда, и за таких вот мальчишек-лейтенантов в первую очередь!..

Летит посланец с важной новостью. Летит с заданием на смерть.

Эх ты, пацанчик, пацанчик! Убьют тебя в первом же бою. Жаль....

Ишь ты, бежит-то как, аж весь запыхался! Понятно, что за срочность, понятно, что за спешность.

А бежит лейтенантик по его душу.

Ну вот и все – его черед настал... Прислали за ним с КП бригады первого, кто под руку подвернулся из младших офицеров. Чтобы немедленно сам проконтролировал и возглавил восстановление обрывов.

А его подгонять и уговаривать не надо. Уже готов туда... Где смерть, возможно, ждёт не дожидаясь его. А куда денешься? Такая вот карта у судьбы выпала, по всей видимости. Ладно, двум смертям не бывать, а одной не миновать. Что на роду написано – на кривой не объедешь, не объегоришь. Все.

Не успел лейтенант и рта раскрыть, чтобы командиру батареи представиться и доложить, он и вывалил капитану все, что в душе у него сейчас клокотало.

– Я сам, сам... Мальчишку только не посылайте. Не хочу греха на душу брать. А если его ранят? Как тогда? Тут уже не до связи. Возись с ним, несмышленишкой. Одному сподручней. Не впервой.

Последние слова нарочито грубо произнес.

Все понял командир батареи, хотя и сам чуть постарше был новоиспеченного артиллериста. Но опыт, опыт – дорогого стоит. Что тут и говорить, не первый год на передовой. Сам когда-то таким вот птенчиком необстрелянным был. Знает, это каково: вот так и – с ходу, в самое пекло. Убьют сразу.

Вздыхнул лишь тяжело и, хлопнув по плечу, пожелал:

– С Богом, Иваныч. Удачи!

Знал и понимал капитан-артиллерист, что лучшего из лучших сейчас посылает на верную гибель. Потому-то и вздохнул так тяжело. Ну а что прикажете делать на его месте? На то он и командир, чтобы самых достойных и лучших солдат своих на смерть посылать. Право у него такое...

Лиха беда начало. Отбежал он метров пятьдесят от траншеи, петляя как заяц. Пока ничего, жив. Но то ли еще будет! Слышит крик истошный сзади. Рывком оглянулся. Так и есть,

не ошибся: кричал старшина. Махал чем-то зажатым в руке: – ... ет ... ет твой шелся!

«А, кисет нашелся», – скорее догадался, чем расслышал он через рев боя. Ну а теперь уже не до кисета. Тут уж уповай на удачу да на милость Всевышнего. А возвращаться еще хуже. Совсем плохая примета.

Огромная воронка на его пути. От нашей... Гаубица работала.

Свалился в нее дух перевести. Да и мины подозрительно густо ложиться стали. Наверняка фрицы засекали. Едва-едва губы разлепил выдавить вместе с хрипом в груди усталое фу-у-уу! – глянь, кто-то летит на него кулем сверху. Ешкин кот, да это немец! Еле увернуться успел. Откуда ему тут взяться?! В обгоревшем черном комбинезоне. Танкист, по всему видать. Крепышок такой, с тесаком в одной руке, с вальтером в другой.

– Хенде хох! – и руку с пистолетом резко вперед выкинул. Ну а это совсем зря. Глупо. Конец тебе, немчура!..

Иваныч медленно, будто нехотя, подымал руки вверх. Неожиданно развернувшись ужом на сто восемьдесят градусов, – бац!–и саданул немца тяжелой катушкой с проводом, вложив в удар всю свою недюжинную силу и ярость.

– Ах ты, паскуда! Ишь ты – «хенде хох!» Накось, выкуси!

Сработало!... Ударил – как выстрелил.

Что ни говори, а прием многократно проверенный и на своих тоже.

Показывал обычно молодым, из пополнения, то да се, о чем ни в одном уставе не прописано. И этот прием тоже. Сработало в очередной раз! Как и тогда, в первой рукопашной под Старой Руссой, на Северо-Западном. Было дело...

Будто двухпудовой гирей со всего маху шарахнуло танкиста вермахта по голове. Готов!

Спиной, спиной оседает немецкий ефрейтор на дно воронки. А в белесых – еще не остекленевших – глазах немой ужас и вопрос: как же так? Где он промашку дал перед этим проклятым русским?

– О, майн готт... – и уже струйка крови из угла губ. И дыхание предсмертное, хриплое: – О-о-о, майн!

Бесполезный пистолет брякнулся к ногам немца. А рукоятку тесака все еще судорожно сжимает ладонь. Рванул он тесак – пригодится! – а пистолет не успел подхватить. И вовремя!

...Не успел он опомниться, глянь, а на него сверху еще один фриц летит, изрыгая проклятия. Клянёт, видать себя, что не подоспел на помощь товарищу. Но и Иваныч не лыком шит, даром что ли на «передке» который год. А это, знаете ли, дорогого стоит. Нет уж, за здорово живешь его не возьмёшь!

* * *

Не прокатит такой номер на халяву. Скорее, наоборот: смерть лютую от него примешь. Он же через такое на фронте прошел, что небо с овчинку покажется. Не более. Потому-то, если чуть оплошал, замешкался – все, поминай, как звали, к едрене-фене, твою немецкую муттер.

...Еще в полете был немец, едва-едва оторвавшись от края воронки, как Иваныч, увернувшись в сторону, в долю секунды вонзил ему прямо в брюхо по самую рукоятку тесака. Вошло добротное немецкое лезвие в хрупкое и податливое человеческое тело, как в куль с трухой. Вжик – и нет еще одного солдата фюрера. Делов-то... на пару секунд, максимум.

Знай наших!

Только с этим разобрался и еще дыханье не успел перевести, жадно глотая ртом раскаленный воздух вперемешку с вонючей гарью, как ему под ноги свалился еще один танкист. «Да сколько же вас на мою голову, ешкин кот?!» – хотелось крикнуть, но сил не было кричать.

Но и с этим справился легко. Или почти легко.

* * *

Видать, сильно контужен был немец. Соображал туго. А это фора ему, Иванычу. Тут смерть и нашла командира танка. Взмах – и разрубил тесак горло от подбородка до ключицы. Замычал натуженно немецкий лейтенант, хватаясь окровавленными руками за обезображенное горло. Поздно. Так и захлебнулся собственной кровью. И Иваныча всего извазюкал, фашистская морда. Да ладно уж, он это как-нибудь переживет: кровь людская не водица. А эти сволочи нашли свою смерть наконец-то. Туда им дорога. Все, курвы фашистские, не загорланите больше свое поганое «Зигх хайль!». Скоро и кричать некому будет. Переколошматим вас всех здесь, за Вислой, а на Берлин ваш долбаный налегке двинем. Уже скоро!..

Резанул тем же тесаком ремень у одного из немцев, забирая флягу. Отвинтил крышку, принял. Вода! Самое время напиться, а то свою выкинуть придется. Задел осколок или пуля, и нет теперь питьевого припаса. А это хуже некуда. Ну а теперь и дальше воевать можно. Хороша вода, холодненькая! Уф-фф, хорошо-о-о! И дальше жадно застучал зубами о краешек горла. Не оторваться...

Ну а теперь самый то сигануть отседова. А то не ровен час принесет нечистая еще кого-нибудь на его голову. Улепетывать надо со всех ног с этого гибельного места: раз-два-три – понеслась душа в рай!

Только выбрался наверх – ага, вот оно что. Картина вырисовывается – ясней некуда. «У-уу, суки!» – он яростно жакнул кулаком по земле.

– М-м-м!..

Понятно почему немцы не шмаляли в него из своих «МГ» и не забросали гранатами. А могли бы, за милую душу! Легко! Весь индивидуальный боезапас они потратили на его предшественников.

Пригляделся, хоть и пот ручьем тек по лицу, заливая глаза, и увидел: невдалеке лежит один из своих с катушкой провода на плечах. А вместо головы у солдата какая-то кровавая каша, и руки одной нет, только кости белеют из обрубка, словно сахарные. Чуть дальше другой лежит, скорчившись на боку. А еще одного и не видно вовсе. Лишь разбитая обгоревшая катушка дымится посреди неглубоких воронок. Видать, минами накрыло бойца. Эх-хе-хе-ее, судьба солдатская, фронтвая!

А где остальные, которых посылали к старлею-корректировщику, – одному Богу известно. Видать, сгнули, сердешные, посреди этого бескрайнего поля, и следов не найти. Такие вот дела – беда лихая!

...Так что смертью своей мужики-связисты из их дивизиона упростили ему схватку с экипажем «Тигра». А то закидали бы его в этой самой воронке гранатами, и все. Хана! Трое с боку – ваших нету! Аминь, гвардии рядовой. Помяни твою грешную душу...

Однако мы еще покувыркаемся – всем смертям назло. Запросто так нас не возьмешь! Не-а... Расчихвостим еще в пух и в гриву мерзкую свору.

...Чертыхаясь, он пополз дальше. Так и есть – вот он, обрыв! Видно, добитые им немецкие танкисты постарались, резанули тесаком. Ага! Да они к его воронке метили, тоже ища в ней спасение. Немудрено, вот же он, голубчик! Сквозь просвет чадающей гари он узрел неподалеку от перевернутой взрывом тридцатьчетверки камуфляжную громадину «Тигра», с опущенным в землю огромным хоботом пушки. Понятно...

Все же успели наши «ИЛы», постарались на славу. Ай да молодца-а-а!

Расчудесная картина маслом получилась – глаз не оторвать, ядрена – корень!

Ну а теперь по проводу, по проводу к своим. Где-то должен быть тут их старлей. Где же он? Неужто и его убили?! Эх, успеть бы только, пока не засекали. Засекут – это конец! Обложат минами – не выберешься. И будешь лежать здесь, как и остальные связисты, если миной в ключья не разнесет. А это ей, заразе, запросто. И следов не останется.

– Мы здесь, солдат! Сюда!

Показалось?! Сквозь нарастающий характерный вой – отчаянный крик:

– Сюда! Сюда!

Да это же... Ну, конечно, кричит старлей, и ещё один незнакомый властный голос вторит ему. Ну наконец-то! Дошкандыбал. Свои. Как гора с плеч. Сам черт теперь не страшен. Повоюем еще!

Вот они: залегли под днищем подбитой тридцатьчетверки. Старлей из взвода управления дивизиона и незнакомый танкист-полковник. Из тех, что здесь фрицы пожгли. Видно, их командир полка – сообразил на бегу. И на всем скаку кубарем влетел под надежное укрытие. Пронесло!

Везет же ему сегодня!

– Давай, без церемоний, – подвинулся полковник-танкист. – В тесноте да не в обиде. Думали, уже не дождемся...

– Ну а теперь помирать, так с музыкой, – весело подмигнул старлей.

А кругом все грохотало и ревело, земля ходуном ходила под ними от частых взрывов.

– Где это так тебя? Ты ранен? – прокричал на ухо старлей. Немцы снова густо сыпанули минами. Из-за их воя и разрывов ни черта не слышно.

– А-аа, есть! – проорал старлей танкисту. – Есть связь, товарищ полковник! Есть!

– Я говорю данные, ты у трубки. Давай, старлей, время не ждет! – и полковник припал к биноклю.

На КП бригады пошли координаты – и началось. Вой тяжелых снарядов наших гаубиц был как бальзам для израненной души. Ничего не было слаще этой музыки. Дождались. Ну, теперь паскудам головы не поднять. Мы, мать вашу гитлеровскую, тоже не лаптем щи хлебаем! И воюем не через пень колоду. Научились. Получайте, гады, наш подарочек.

Верещите от страха, в лохмотья порвем! Всех до единого!

Покинет надежда последней...

Геннадий БОГДАНОВ,
г. Хабаровск

Ни пространства, ни времени нет.
Я задушен квадратом квартиры.
Наша жизнь на одной из планет –
Парадокс эфемерного мира.

«Изреченное слово есть ложь,
Вековое молчанье храните» –
Ты когда-нибудь это прочтёшь
На скале в почерневшем граните.

А пока, задувая свечу,
Верь в любое своё сновиденье,
Я не верю и знать не хочу –
Нет пространства
и нет вдохновенья!

Мне тишина заснеженного бора
Намного ближе шума городов.
Я так устал
от бесполезных споров,
От разговоров и кошмарных снов.

Я лишь глаза закрою – вижу поле,
За ним вершины
в шапках снеговых...
А здесь дыханье в спину алкоголя
И грязный двор
в верёвках бельевых.

О, сколько раз пытался я уехать!
Но держит дом, работа и дела,
И этот звон ребяческого смеха,
И купидона меткая стрела.

Покинет надежда последней –
Проследуешь в царство теней.
А там не останется следа
От верной надежды твоей.

А там... Что мы знаем об этом?
Живём, безоглядно греша.
Вращается наша планета,
Качается наша душа.

Качается, как на качелях,
Над пропастью бед и обид.
В твоём восхитительном теле
Она почему-то молчит.

Она, как запретная книга,
Печать роковая на ней –
Сокрыта для тайного мига,
Где властвует царство теней.

**Ответ на книжку
А. Стогней «Светотени»**
Читал твоё и «Свет» и «Тени».
Лесозаводск – твой дом родной.
Я понимаю – ты не гений,
Но надо думать головой!

К чему обиды и отрывка
От винно-водочных паров?
Ну слава Богу – вышла книжка,
Как Уссури из берегов!

Возможно, мнишь себя героем,
Считаешь каждую строку.
Как старый лось на водопое,
Я слышу лишь одно: «Ку – ку»...

Пришелец
В заброшенной избушке лесника –
Ходили слухи – жили привиденья.
Я этому не верил, но тоска
Была со мной
и в этот день осенний.

Не то чтоб мне наскучил
листопад,
Своим шуршаньем заполняя вечер,
Бывает в жизни так: часы спешат,
И чувствуешь,
как время быстротечно.

А сумерки сгущались второпях,
Дрова в печурке догорали, тая,
Луна в окне, как баба на сносях,
По Млечному Пути плыла рябая.

Какой-то бред неся карандашом,
Я рисовал в блокноте от безделья.
Тепло в избе клонило
в сладкий сон...
Вдруг распахнулись
запертые двери.

Передо мной стоял не человек:
В глазах сверкала адская свобода.

И свет луны тотчас в окне
померк,
Как бы пришельцу странному
в угоду.

Раздался голос в жуткой тишине,
Я онемел от пристального
взгляда:
«Вы вспоминали часто обо мне,
Что ж, я пришёл, но вижу –
вы не рады?!»

Ваш век кибернетических машин
Меня считает вымыслом,
но прежде
Я вам открою тайны для души.
Пусть вымыслами тешутся
невежды.

Я – существую. В этом весь секрет.
Бессмертье мне даровано навечно.
Заботой человеческой согрет,
Я властвую над ним бесчеловечно.

Кто помнит:
«Мне отмщенье, Аз воздам»?
По векселям оплачено предельно.
Закон диктуют Ева и Адам,
Смешон запрет –
дарую наслажденье!

Прекрасна жизнь –
боритесь до конца,
Ищите ключ к разгадке
тайной страсти...
Но вечно за спиной у подлеца
Пребудет тень
всесильной власти».

Закончив свой сумбурный монолог,
Он, завернувшись в ночь,
неторопливо
Шагнул стопой тяжелой за порог,
И дверь закрылась,
скрипнув сиротливо.

Рассветом озарились облака,
Растаяли таинственные тени...
В заброшенной избушке лесника –
Ходили слухи – жили привиденья.

Несравненно дороже...

Софья ИОСИЛЕВИЧ,
г. Москва

Я слишком крепко тебя люблю

Я слишком крепко тебя люблю,
Чтоб громко рыдать в разлуке.
Я знаю – нужен простор кораблю,
И различаю руки.

Сама собираю в нелегкий путь
Твой старенький чемодан.
И где бы, и с кем бы...
Ты только будь.
Будь счастлив, мой капитан.

Я стану нанизывать бусины-дни,
Не буду слушать враньё.
Забудешь – забуду,
проклянешь – прокляни,
Но все, что было, – моё.

Моим друзьям, забывшим про меня

/Сонет/

Моим друзьям,
забывшим про меня,
И недругам,
всё помнящим прекрасно,
Равно тем и другим
желаю страстно
Найти в мороз тепла,
в ночи – огня.

Кто более достоин добрых слов?
Вы, недруги, чье жаркое участие
Во мне лишь закалило
жажду счастья?
Друзья, чью заслужить хочу
любовь?

Чего в нас боле: радости, печали?
Две стороны во всем, как у медали.
Ценю друзей и недругов своих.

Оспорит кто-то первенство
едва ли,
Хоть странным и покажется
мой стих.
Жить не могу без тех и без других.

Что, кажется, может быть проще?

Что, кажется, может быть проще?
Билет оплачу серебром –
Туда, где знакомые рощи
Октябрьским окутаны сном.
С утра на наличниках иней.
В зубах ломота от воды.
Безлюдные, словно в пустыне,
Забыто чернеют сады.
Казалось, что проще
быть может?

Вам – шум в суете городской,
А мне несравненно дороже
Осенний раздольный покой...
Но мне не хватает тревоги
Ночных телефонных звонков.
Мой город – владыка мой строгий,
Твоих не избуду оков.
И даже в недолгой разлуке
Чужой не прельщает уют,
Когда узловатые руки
Моих переулков зовут.

Пока ласкает щеку осенняя прохлада

Пока ласкает щеку
осенняя прохлада,
Пока шуршаньем листьев
озвучены дворы...
От суеты московской
сверну в аллею сада,
Где звонкий птичий щебет
беспечной детворы
Напитывает воздух
прозрачный, горьковатый.
Я пью его, смакуя,
как терпкое вино,
И взглядом провожаю
те облака из ваты,
Что длятся-длятся, словно
в замедленном кино.
Еще не опоздала
украсть себя у буден.
Последним днем октябрьским
наполнится душа.
А нужно так немного,
и путь совсем не труден:
Пройти аллеей сада,
и только - не спеша.

Какие мысли мне навеял снег

Какие мысли мне навеял снег,
Что падал так лениво,
так беспечно?
Как короток снежинки яркий век!
В сравненье с ним
моя минута – вечность.

Но светит мне далекая звезда.
Былинка рядом с нею, как мала я...
Неужто растворюсь я без следа,
Как этот снег
в руке моей растаял?..

Награда или наказание

Награда или наказание –
Моих стихов полночный шепот?
Заслуг неведомых признание?
Мечты невоплощенной ропот?

Кем и когда мне долг предписан
Искать среди основ основу
И истину меж многих истин,
И то единственное слово.

Ловить незримые сигналы,
Беря в доверчивые руки
Нематерьяльные начала,
Чтоб их переиначить в звуки.

И страх преодолев, отважно
Доверить тайное листу –
Не знаю. Для меня лишь важно
Быть в час урочный на посту.

И не нужно слыть известным,
И не важно быть кумиром.
Очень трудно просто честно
Жизнь прожить с собой и миром.

Автопробег набирает широту

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток

С 24 мая по 6 июня в городах и населённых пунктах Приморского и Хабаровского краёв прошли встречи с участниками седьмого автопробега, посвящённого Дням славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке. Началом праздника стало состоявшееся 24 мая, в День Кирилла и Мефодия, торжественное открытие в актовом зале Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского.

Автопробег в течение нескольких месяцев готовился организационным комитетом во главе с ректором МГУ имени адмирала Г.И. Невельского Сергеем Огаем. В этом году праздник отмечен многими новыми моментами.

Впервые автопробегу, наряду с Председателем Совета Федерации России Сергеем Михайловичем Мироновым, оказало поддержку Министерство культуры страны.

Впервые почетным председателем оргкомитета стал архиепископ Владивостокский и Приморский Вениамин.

Впервые пробег проходил сразу по четырем маршрутам. В частности, в программе автопробега первый раз появился маршрут на север Приморья – в него вошли Лазо, Ольга, Терней, Дальнегорск, Кавалерово и прилегающие к ним села. К празднику в этот раз активно присоединился соседний Хабаровский край, и автопробег можно по праву считать Дальневосточным.

Впервые на маршруты выехало сразу три десятка человек: писателей, художников, артистов, журналистов, священнослужителей. Они провели 77 творческих встреч в 65 населенных пунктах двух дальневосточных краёв. В 23 городах, поселках и селах, включенных в программу в 2010 году, Дни культуры, посвященные святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, прошли впервые.

Десять экипажей одновременно стартовали сразу из трех городов – Владивостока, Лесозаводска и Арсеньева.

Традиционно специально к празднику были выпущены оригинальные значки, вымпелы, баннеры, бейсболки и футболки, а также другие сувениры с символикой автопробега. На маршрутах работали передвижные выставки фотохудожников Владимира Листрового и Евгения Берестова. Учебным заведениям и библиотекам снова дарились книги, изданные участниками пробега нака-

Вера Гундарева, Марина Запорожец, Евгений Антипин, Раиса Петровичева, Сергей Сидоренко, Сергей Юдинцев (встреча в городе Фокино)

нуне Дней славянской письменности и культуры.

За две недели работы было снято около двух тысяч фотосюжетов, сделаны телевизионные репортажи, даны интервью в местные газеты и в материалы интернет-сайтов. Как всегда, по итогам праздника уже готовится новая документальная книга, в которую непременно войдёт традиционная фототетрадь, и многие участники Дней узнают в ней себя.

Встречи в городах и в глубинке не оставляют сомнений – этот праздник нам всем очень нужен. Там, где мы уже бывали, нас приятно ожидали самодеятельные концерты с участием замечательных местных «звёздочек». Это означает: здесь праздник укоренился. С большим интересом пришедшие слушали отдельные отрывки из последней пробегной книги Владимира Тыцких «Засеки». Некоторые герои книги сидели в зале. Улыбались, дарили нам цветы.

Гостям мероприятий представлялся небольшой отчёт о работе, проделанной нами за год, проходила презентация книг, вышедших за это время в программе «Народная книга», звучали стихи и проза полюбившихся классиков, а также произведения современных дальневосточных и российских писателей. Каждая встреча – результат коллективного труда. Тех, кто сюда не приехал – цитируем. Кто прибыл – предстаёт перед читателем в полный рост и получает аплодисменты по заслугам.

Не имевший возможности поехать с нами, но полюбившийся многим бард Виктор Костин в этот раз присутствовал на встречах своими дисками, и опять радовала нас «Калина». Звучали и другие песни участников, которые отправились по другим маршрутам. Особый ин-

терес вызывали небольшие произведения, посвящённые непосредственно автопробегу. Таких произведений постепенно становится всё больше. Какой автопробег без «авто»? Вот уже и песня есть: «Вальс тойоты» Виктора Костина и стихотворение у Эльвиры Кочетковой со словами: «Мы снова в дороге и ждём от дороги чего-то, А в тесных багажниках мнутся в коробках стихи».

Во многие районы праздник пришёл впервые, и мы очень переживали: а нужно ли?.. Но сомнения рассеивались очень быстро. Достаточно было видеть, как менялись лица во время разговора или когда звучала «русская народная» в исполнении юного, но уже бывалого (пятикратно) участника пробега Сергея Кузнецова и своя выстраданная – в исполнении барда из Лесозаводска Сергея Сидоренко. Младшая аудитория была совершенно очарована замечательными произведениями руководителя одного из маршрутов писательницы Людмилы Берестовой. А на маршруте, возглавляемом Сергеем Юдинцевым, покорила сердца песней Марина Запорожец и трепетным, проникновенным словом – Евгений Антипин.

Затаив дыхание, детская и взрослая аудитория слушала православное слово. Его нёс людям отец Андрей-клирик храма во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия при Православной гимназии города Владивостока, постоянный участник всех автопробегов, в этот раз почти полностью прошедший один из маршрутов.

Дорогу на север Приморского края прокладывал руководитель автопробега Владимир Тыцких вместе с на-

Начальник морской академии Владимир Гаманов (слева) и руководитель пробега Владимир Тыцких. (встреча в п. Пластун)

чальником Морской академии из Владивостока Владимиром Гамановым и фотохудожником Владимиром Листровым. К ним присоединились поэт из села Лазо Олег Вороной и поэтесса из Находки Анна Тарабрина. В Преображении произошло знакомство нашей группы с художником-маринистом Валерием Шиляевым и его супругой Светланой. Природа тех мест покорила приезжих. В Лазовском районе поразили снежные вершины Сихоте-Алиня со стадами коров, пасшихся у подножия. Создавалась атмосфера величия и спокойствия, и, конечно, увиденное приютилось в сердцах, чтоб вылиться в новых строчках и художественных полотнах.

Там, где мы оказались впервые, – радость знакомства, восторг от сопричастности к разговору, пожелание доброй дороги и слова благодарности в Книге отзывов. Какие замечательные строки подарили нам в одном из социальных приютов города Хабаровска: «Дорогие друзья! Большое вам спасибо за такую интересную и трогательную встречу с нашими воспитанниками. Наш приют – одно из социозащитных учреждений Российской Федерации, которое в наше непростое время стало временным домом для многих тысяч детей, этих самых социально не защищённых маленьких граждан России. Поэтому ваши стихи, рассказы, музыка наверняка помогут нашим детям быстрее найти жизненные ориентиры и обрести уверенность в настоящем и будущем. С искренним уважением воспитанники и сотрудники приюта». Слова, немислимо расширяющие зону нашей ответственности...

Надо сказать, что до Хабаровска и его окрестностей добрался практически весь состав редколлегии «Литературного меридиана». Из Арсеньева в этот самый дальний путь отправились руководитель маршрута Эльвира Кочеткова, главный редактор «ЛитМ» Владимир Костылев, аккордеонист Сергей Кузнецов и студент МГУ Василий Смирнов. На месте к ним присоединились заместитель главного редактора «ЛитМ» писатель Геннадий Богданов и редактор «ЛитМ» Ирина Банкрашкова. На одной из встреч прошёл «боевое крещение» с игрой на балалайке её девятилетний сын Витя. Так наш автопробегный полк пополнился.

Этот маршрут, впрочем, как все другие, оставил массу впечатлений, историй, подарил множество сюжетов для будущей книжки. Нам не забыть глаза и перемазанные зелёной коленки мальчишек и девчонок из социальных приютов и детского реабилитационного центра. А ещё тех замечательных людей, которые работают с ними под девизом «Изменим мир любовью». Это председатель Хабаровского краевого благотворительного обществен-

В приюте памятный значок получил каждый (встреча в г. Хабаровске)

Участники одного из маршрутов у храма Серафима Саровского в Уссурийске

ного фонда культуры Черепанова Светлана Юрьевна и главный специалист отдела по проблемам семьи и детей Министерства социальной защиты населения Хабаровского края Грень Елена Николаевна. В пятидесяти километрах от Хабаровска, в селе Бычиха, силой духа неравнодушных людей поднялась «Русская деревня» – небольшое местечко, представляющее собой Музей русской культуры, который постоянно посещают школьники, студенты и, конечно, иностранные гости. Здесь состоялась встреча автопробега со студентами факультета художественной графики педагогического института. А в «Арт-подвальчике» фонда культуры более трёх часов длилось общение с творческой интеллигенцией города Хабаровска. Здесь, после десятилетнего перерыва, благодаря празднику, встретились замечательные местные барды, которые, несомненно, украсили этот вечер. Бард Сергей Журавлёв пришёл на следующую встречу и при-

вёл с собой балалаечницу Надежду Захарчук. Они уже ждут совместной работы через год и готовят новые номера.

Каждая из 77 встреч уникальна. Всегда экспромт. Аудитории самые различные: дети и взрослые, военнослужащие, ветераны труда, творческая интеллигенция, пожилые люди из интерната... Но результат всегда один: «Приезжайте к нам ещё». И опять на каждой встрече происходит таинство – словно нисходит с небес благодать, не выразимая словами, но наполняющая взгляды и улыбки...

Для участников автопробега Дни славянской письменности и культуры будут длиться весь год. Сейчас подводятся итоги и уже строятся новые планы. Автопробег-2010 завершился, но телефонные звонки, эсэмэски, электронные и простые письма с благодарностями всё ещё летят нам вслед. Встречи прибавили душевных сил и дерзновенных замыслов. Организатор праздника на территории Уссурийска журналист Татьяна Овчинникова пожелала «дотянуть» в следующий раз до Забайкалья. Там её родина. А кто-то, немного расслабившись под конец, произнёс: «Чего уж там, давайте поедem напрямиком в Болгарию!» А кто его знает?..

Сергей Журавлев, Геннадий Богданов, Владимир Костылев, Эльвира Кочеткова. (Встреча в «Арт-подвальчике». г. Хабаровск)

Душа России укоренена в Боге, и история её есть возрастание от этих корней

Мы должны знать историю России, любить её героев, ценить и самые древние памятники её литературы...
Мы должны чтить и уметь различать в иконописном житии живые лики русских святых, которые несут нам свои заветы, своё национальное понимание вечного христианства...

**Г.П. Федотов,
русский религиозный мыслитель**

8 июля (н.ст.) Православная Церковь празднует память святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, Муромских чудотворцев.

Пётр и Феврония – исторические лица, о которых в середине XVI в. на основе муромских устных преданий писателем-публицистом Ермолаем-Еразмом была создана «Повесть о Петре и Февронии». Рассказ о них был известен ещё до конца XV в., о чём свидетельствует сохранившаяся церковная служба XV в., посвящённая Муромскому князю Петру и его мудрой супруге Февронии, с которой Пётр был похоронен в едином гробе. Прославление их началось с XVI века, а на Московском соборе 1547 г. положено было местно праздновать их память. Впоследствии (по всей вероятности, с 1552 г.) празднование их памяти стало повсеместно.

Благоверный князь Пётр происходил из благочестивого, святого рода и был вторым сыном Муромского князя Юрия Владимировича (в древности Муром был центром северной Ростово-Суздальской области, ныне – это город Владимирской области). Вступив в 1203 г. на престол, правил княжеством, во всём строго соблюдая справедливость. Но святого Петра постигло несчастье – заболел он проказой, от которой никто не мог излечить его. Во сне князю было видение, открывшее ему, что исцелить его может крестьянская девушка из деревни Ласковой Рязанской земли, дочь пчеловода, благочестивая дева Феврония, как и Пётр, воспитанная в православной вере и целомудрии, славившаяся умом и красотой. Князь Пётр послал в ту деревню своих людей.

Увидев святую Февронию, князь Пётр дал обет после исцеления жениться на ней – такое глубокое впечатление произвело на него её благочестие, мудрость и доброта.

Святая Феврония исцелила князя, и князь сочетался с нею браком. Но бояре Муромской земли воспротивились тому браку, считая унижительным, чтобы княгиней у них была крестьянка. «Или пусть отпустит от себя супругу, оскорбляющую своим происхождением знатных жён, или же оставит Муром», – объявили они. Князь отказался от княжества. Вместе с Февронией он отплыл из родного города.

Оставшись с небольшими средствами для жизни, князь предался печали. Но умная княгиня поддерживала его и утешала: «Милостивый Бог не оставит нас в нищете».

А в Муроме в их отсутствие начались междоусобицы, и бояре вынуждены были просить князя Петра и княгиню Февронию возвратиться в Муром.

Святые и праведные Пётр и Феврония всегда были милостивыми, справедливыми, кроткими, с великим милосердием относились к бедным, облегчали участь несчастных, чтли иноческий и священнический чин, ограждая его от

нужд. Умная и благочестивая княгиня помогала супругу советами и благотворительными делами.

Скончались они в один день и час – 25 июня (ст.ст.; 8 июля – н.ст.) 1228 г., приняв перед этим монашеский постриг с именами Давид и Евфросиния. Святые мощи князя Петра и княгини Февронии находятся в одной раке в Муромском соборном храме, куда стекается множество паломников с горячей верой в непременную помощь святых угодников Божиих.

...Древняя Русь, принявшая христианство из Византии – в то время носителя самой высокой культуры, – в течение десяти веков глубже многих других народов восприняла христианские идеалы, обусловившие её высший смысл жизни, – постоянную обращённость к Богу, жажду спасения и поиск богоподобия.

С принятием христианства на Русь пришла новая этика, новая нравственная философия. В течение тысячи лет Православие определяло её национальный характер, нравственность, её мировоззрение, историю и культуру. После крещения Русь стала качественно другим государством. «Входили в христианскую купель племена полян и древлян, словен, кривичей да вятичей, а вышел из купели народ Русский, сеятель и хранитель государства Российского» (Н. Журавлёв). Насколько велика роль христианства в становлении Древней Руси, красноречиво свидетельствует тот факт, что Киевская Русь выходит в число передовых государств Европы. В конце X – начале XI вв. Киев по своему богатству, населённости соперничал с Константинополем.

Христианство вводило принципиально новые отношения между людьми, запреты на определённые эмоции, внутренние качества: ложь, осуждение, самовозвеличивание, словесная смута, гнев, зависть, гордость, высмеивание чужих пороков.

С конца X в. на Руси складывается целенаправленная система образования – «книжного учения». Средневековая школа на Руси давала более широкое и разностороннее образование, чем университеты Западной Европы. В школе ученики получали основные исторические, географические и другие полезные сведения, обучались счёту. Но особое пристальное внимание направлялось на овладение литературным языком. Такая установка прямо вытекала из новой христианской веры, настойчиво прославлявшей грамотность: «всякое писание полезно есть ко учению», «внемли чтению», «обучай себе», «измлада умён писания, могущая тя умудрити». Специалисты отмечают высокую культуру устной речи восточных славян, развитость разнообразных видов ораторского искусства на Руси: воинского, посольского, судебного, вечевого...

В развитии книжной образованности большую роль играли монастыри – главные «университеты», являвшиеся в первые годы своего существования очагом новой христианской культуры. Особенно велика была в этом отношении роль Киево-Печерского монастыря, созданного в середине XI столетия. Монастыри созидали уникальный климат целостного воспитания человека и имели огромное нравственное влияние на всё общество в целом.

Необозримое пространство Руси было всё покрыто неисчислимым множеством уединённых монастырей. Из них «разливался свет сознания и науки во все отдельные племена и княжества... духовные понятия народа из них исходили... и все его понятия: нравственные, общественные и юридические». Здесь писались и переводились лучшие книги, воспитывающие человека, а не развращающие его под предлогом просвещения, как это можно видеть теперь повсюду. Такая литература закладывалась в основу всего образования на Руси, которое было подчинено одной цели – духовному и нравственному становлению личности. Книжки открывали русскому человеку того времени духовные ценности, накопленные средиземноморской культурой за многие столетия, и он активно приобщался к лучшим её достижениям. Изначальная сила этой литературы – в сознательной и последовательной ориентации на высокие нравственные идеалы.

С христианством на Русь пришли книги богослужебные: Евангелия («благоговения»), излагающие основы христианского вероучения. Многочисленные евангельские притчи учили новым нормам морали. Самым ранним, дошедшим до нас памятником древнерусской письменности является Остромирово евангелие, переписанное дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира в 1056-1057 гг. С 1144 г. на Руси читали Галицкое четвероевангелие, тексты которого расположены по евангелистам: от Матфея, Марка, Луки, Иоанна.

В XI в. выходит ряд служебных Миней, в том числе Новгородская 1095-1097 гг. Сборники «Триодь постная» (содержала службы до наступления Пасхи) и «Триодь цветная» (содержала службы на Пасху и после Пасхи) включали тексты молитв и песнопений, часть которых была создана талантливыми византийскими поэтами Романом Сладкопевцем, Иоанном Дамаскиным и др.

Сразу же по принятии христианства на древнерусский язык были переведены избранные отрывки из ветхозаветных библейских книг. Наибольшей популярностью пользовалась Псалтирь. По этой книге учили грамоте, тексты заучивались наизусть.

Во второй половине XII в. была переведена с греческого замечательная книга – Синаксары, или ПрОлог, – собрание кратких житий святых и разнообразных наставлений, распределённых по дням года. Для древних русичей эта книга стала неиссякаемым источником всевозможных сведений: исторических, медицинских, географических и др. Хотя ПрОлог – книга переводная, русские её составители сразу включили в неё немало житий новых славянских святых, в том числе крестителя Руси – великого князя Владимира.

Наряду с Евангелием и Псалтирью на Руси был хорошо известен Апостол, формировавший духовный мир человека и зачастую выступавший просто учебником жизни, без какой-либо религиозной окраски. Многократно и разносторонне излагаются в Апостоле добродетели, к которым должен стремиться человек: «все единомудрени будите, милостивы, братолюбци, милосерди, благоутробни, мудролюбци,

смиреномудри, не воздающе зла за зло, или досаждение за досаждение».

Книга учит любви – неслыханной для языческой этики! – не только к своим друзьям, «ближним», но и к врагам: «Аще убо алчит враг твой, ухлеби его. Аще ли жаждет, напои его (Если испытывает голод твой враг, дай ему хлеба. Если он испытывает жажду, напои его)».

Вершиной добродетели объявлена любовь – духовная, альтруистическая, беззаветная. В Апостоле есть настоящий гимн любви:

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий.

Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

И если я раздам всё имение и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, то нет мне в том никакой пользы.

Как свидетельство культурной и нравственной зрелости народа стало издание Библии в XV–XVI вв. на национальном языке – колоссального тома большого формата в 1256 страниц, осуществлённого Иваном Фёдоровым.

Великий ревнитель Православия иерусалимский патриарх Досифей, зорко следивший за русской церковной жизнью, на Россию смотрел как на опору всего вселенского православия. С большой тревогой и опасением следил он за усиливающимся в России западным влиянием. Свободная русская Церковь не поддавалась чужеземному засилью. Российская Православная Церковь XVII в., возглавляемая святейшим патриархом, твёрдо держалась греческого православия и всеми силами боролась с чуждым латинским богословием. С тех пор, как Запад отпал от Вселенской Церкви (1054 г.), подменив единственно возможный внутренний для Церкви авторитет – Истину, авторитетом внешним – иерархией, он сбился с пути подлинного христианства. Авторитет папы с провозглашением его непогрешимости, занявший место вселенской непогрешимости, суть авторитет внешний. Христианин, некогда член Церкви, некогда ответственный участник в её решениях, сделался подданным Церкви. Она и он перестали быть единым: он был вне её, хотя и оставался в её недрах, замечает по этому поводу русский богослов XIX в. А.С. Хомяков. Нет, Церковь не авторитет, заявляет он «ибо в авторитете есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина!» Авторитет, твёрдо возглашает верный сын Православной Церкви и святой Родины, «всегда есть нечто внешнее по отношению к человеку или любому другому организму, истина же – явление внутреннего порядка: человек подчиняется Церкви не потому, что она – авторитет, а потому, что она – истина. Равным образом она не является авторитетом по вопросу догмы, а лишь свидетельствует о ней. Христианин верит в учение Церкви, но при этом он не апеллирует ни к науке, ни к авторитету официальных представителей Церкви – он просто живёт жизнью этой Церкви... Бог, Христос, Церковь являются внутренней жизнью его...» Уже Владимир Мономах – великий князь Киевский (с 1113 по 1125 гг.) – в «Почувствиях своим детям» писал о том, что культурные нормы латинского мира русским глубоко чужды. Для русских всегда Православие было не системой богословских взглядов, но самую жизнью.

Наступивший XVIII век – темнейшая и несчастнейшая «петербургская эпоха» в русской истории – был временем страдания русской земли от засилья чужих по языку, вере и духу иноземцев – немецких друзей Петра I. Вместе с ними в Россию начали проникать и вероучения протестантства, «законного по своему происхождению исчадия романизма», с «неизгладимым римским клеймом и духом утилитарного рационализма, которым отличается папизм, во всей полноте унаследовавший гордыню языческого Рима, с его сугубо правовым образом мышления, неспособным проникать в царство любви и смирения, на котором основано внутреннее единство Церкви».

Вся деятельность Петра была направлена не просто на унижение, но на уничтожение отечественной Православной Церкви, единственной силы, способной противостоять насаждению в России противных Православию европейских жизненных основ. Занимая важные государственные посты в России, немцы грубо вторгались во внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви. Русская Церковь оказалась пленником государства – она была отдана в порабощение мирским иноземным чиновникам.

Столетиями под руководством Церкви укреплялись основы русской нации. Церковь вырабатывала поведение людей, формировала нравственные принципы, имеющие общечеловеческое и вневременное значение; цельное мировоззрение, а этические предписания – её «заповеди» учили добру, милосердию, бескорыстию, верности и другим добродетелям.

Допетровская Русь была одно церковное общество, церковное тело. Русский народ, вне зависимости от сословия, был одинаково православным и церковным. Церковь для него была высшей ценностью. «Освящённый собор» высших иерархов был ближайшим советником царей даже в делах государственных. «Орёл петровского, на западный образец устроенного самодержавия выклевал это русское православное сердце...» Чужеземные выходцы заменили русских святителей. Петр уничтожил патриаршество, чтобы оно не мешало ему, и даже колесовал одного епископа. С уничтожением патриаршества был разрушен церковный строй, принцип иерархии, а это значит, была уничтожена церковная жизнь.

Проведённая Петром реформа церковного управления, перенятая с Запада, загоняет духовную жизнь России под тяжелейший германо-латинский гнёт. Холопское, подобиерастное подражание Западу, его духу, культуре приводит к забвению исконных истоков духа Православия и внедрению на православной русской земле духа немецкого протестантизма.

Жестокому иноземному гонению на родной русской земле подверглось монашество. Немецкое правительство России, чуждое древнерусскому православному мирозерцанию, смотрело на монахов как на тунеядцев, которые «бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть»; запрещает пострижение в монашество. Монахи, постриженные без разрешения кабинета министров, где главным лицом был немец Остерман, обречались на расстрижение, а монастыри превращены были в тюрьмы для политических заключённых, надзор за которыми и ответственность за их целостность были возложены на монахов. В монастыри отправлялись жертвы тайной канцелярии – от пыток в её стенах многие сходили с ума. «Остерман и Миних со своим сонмищем, – говорил в 1741 г. в своей проповеди Кирилл Флоринский, – влезли в Россию, яко эмиссарии диавольские... да под видом министерства и верного услужения государству российскому...

правовереие и благочестие не точию превратят, но и искореня истребят».

«...У меня как-то грустно становилось на душе, когда я просматривал курсы новой русской истории или курсы русской литературы, – с глубочайшей горестью замечает в своём духовном наследии священномученик архиепископ Иларион (Троицкий), 1886-1929, прославленный в лике святых Русской Православной Церкви, – потому что я улавливал самую общую их мысль. Приблизительно эту мысль можно выразить так: долго жила Русь, но никакого толку в ней не было. Был один мрак, невежество, суеверие. Наконец явился Пётр Первый. Сначала он часто ездил в немецкую слободу, потом «прорубил окно в Европу» и «преобразовал» Россию. Только с Петра и увидела Россия свет... Как осмеяны житейские идеалы наших предков!.. Через Петровское окно в нашу избу поналезли немцы и заняли в ней передний угол. И начали русские люди обращаться в немцев. Сначала скинули, а кто сам не хотел, с того насильно сняли, величавую одежду и надели куцый немецкий кафтан. Пошли смешные и странные одежды – камзолы, фраки – все из того рода одежд, которые, по слову митрополита Филарета, не столько одевают, сколько обнажают. А за одеждой начали и душу менять, начали жить и мыслить по-немецки, разучились и говорить по-русски...»

С недавнего времени в нашу жизнь вошёл заимствованный из Западной Европы «праздник влюблённых» – День святого Валентина. Стало традицией ежегодно 14 февраля встречать нерусский, неправославный праздник – с суетным приобретением «валентинок» – символов влюблённых сердец. Если заглянуть в православный календарь, можно убедиться, что 14 февраля Православная Церковь чтит память раннехристианского святого мученика Трифона, целителя, избавителя от чародейний, молитвенника о счастии брака. На Руси первыми защитниками всех любящих, покровителями их всегда считались святые благоверные князь Пётр и его супруга княгиня Феврония Муромские.

8 сентября (н.ст.) Православная Церковь празднует День святых супругов – мучеников Адриана и Наталии, молитвенников о добрых отношениях в семье. В семейных нуждах православные обращаются к святой Ксении Петербургской, блаженной Матроне Московской, к покровителям семьи Гурью, Самону и Авиву, святителю и чудотворцу Николаю Мир Ликийскому... – «полку божественных заступников, угодников российских таковых, что мало в какой земле сыщется».

«Мы столкнулись с Западом. Несомненно, при этом столкновении ушибёмся мы больно, – предупреждает архиепископ Иларион (Троицкий). – А это заставит нас подумать о своих отношениях к Западу, подумать о самих себе. Может быть, подошёл конец русскому позорному пресмыканию пред Западом, а тогда больше полюбят своё родное русское».

Мысль святого отца Церкви созвучна глубоко патриотическим размышлениям религиозного философа И.А. Ильина: «Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит – воспринимать Россию сердцем, видеть любовью её драгоценную самобытность и её во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время – указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательств других народов».

Святая Русь, храни веру православную, в ней же тебе утверждение!

**Подготовила Н. Всеволодова,
приход храма Благовещения Пресвятой Богородицы,
г. Арсеньев**

Праздник книги на Васильевском

Василий САМОТОХИН,
член Союза писателей России,
Валерий ШТИЦБЕРГ,
лауреат Премии газеты «Граница России».
Фото Валерия ШТИЦБЕРГА
и Владимира БЕРТОВА.

В Санкт-Петербурге прошёл V Международный книжный салон

На одном из проспектов Васильевского острова, жемчужине Петербурга, совсем рядом с выставочным центром «Ленэкспо» в середине апреля установили большой стенд, на котором изображён добродетельный юноша с книжкой в руках. И броский лозунг под плакатом: «Молодое поколение выбирает книгу!». Таким оригинальным способом организаторы форума пригласили жителей и гостей города на подлинный праздник всех любителей изящной словесности и специальной литературы – на традиционный весенний Международный книжный салон, на который съехались участники из 12 стран, представляющие 300 книгоиздательских компаний из Армении, Беларуси, Германии, Испании, России, Украины... Отрадно, что среди признанных флагманов книжной индустрии в этом году свою продукцию на выставке представили и 40 новых компаний из различных российских регионов. А это значит, что на рынке книга пользуется спросом, Россия вновь постепенно становится читающей страной, а молодёжь всё чаще книгу предпочитает сомнительным удовольствиям.

Лейтмотивом книжного салона стали 65-летие Великой Победы, 150-летие со дня рождения А.П. Чехова и Год учителя. И не случайно, что на импровизированной сцене выставочного комплекса артисты, одетые в военную форму красноармейцев, и девушки в модных в 40-е годы платьях в горошек исполняли фронтовые песни, трогающие сердце и душу каждого человека, независимо от возраста и национальности.

Смолкла музыка, и на сцену поднялись почётные гости салона: губернатор Санкт-Петербурга Валентина Матвиенко, председатель Законодательного собрания Вадим Тюльпанов, вице-президент Российского книжного союза Олег Ткач.

– В наш город пришёл праздник книги, – сказала В. Матвиенко. – Мы прекрасно понимаем, что книгоиздательство нуждается в содействии государства. Особенно, когда речь идёт об образовательных и культурных проектах. И город будет оказывать поддержку издательствам, которые выпускают книги для студентов и школьников. Сегодня здесь представлены интересные издания. Наш салон открыт для творческих дискуссий, обмена мнениями, общения писателей и поклонников их творчества.

Официальные лица ознакомились с продукцией ряда издательств, задержались у книжно-иллюстративной выставки из фондов питерских библиотек «Книги блокадного Ленинграда». Многие посетители салона с волнением останавливались у этой поистине уникальной экспозиции, восхищались нравственным подвигом книгоиздателей, которые в осаждённой, умирающей от голода крепости выпускали стихи и прозу героических литераторов-ленинградцев. Нет, никакому врагу не победить народ с великой нравственной закалкой!

Обращаем внимание на книгу «Блокада снится мне ночами» Виктора Сергеевича Новикова. Книга о блока-

де отличается от многих, написанных на эту тему. В ней борьба людей за город, за свою жизнь и жизнь близких воспринимается с детским пониманием добра. Восторгом, что дожили до весны, а в березах бродит сок. К сожалению, книга с рисунками автора издана очень маленьким тиражом и для широкой читательской аудитории почти недоступна. Говорим это со стыдом, потому что нельзя экономить на издании книг о подвиге ленинград-

Выступление Валентины Матвиенко

цев, которые сражались за город, покоятся на Пискаревском мемориальном кладбище.

На книжном салоне прошла презентация уникального совместного проекта издательства «Азбука» и театра «Балтийский дом» «Ольга. Запретный дневник», посвящённого великой дочери города, музе блокадного Ленинграда Ольге Берггольц.

В годы войны её голос звучал в каждой холодной квартире, её стихи считали в окопах и кабинах самолётов, отсеках подводных лодок. Строки, пронизанные священной ненавистью к гитлеровцам и их приспешникам, звали на подвиг.

Три автора – Роман Всеволодов, Евгений Лукин и Момо Капора провели презентацию своей книги «Три слова о войне». Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, особенно она интересна молодым людям.

На книжной выставке много исторической литературы. Круг представленных имен многообразен и обширен: от Александра Герцена до Александра Солженицына, от Владимира Ленина до Александра Зиновьева. Есть новые книги об Александре Керенском, Антоне Деникине, Петре Врангеле, Иосифе Сталине, мыслителях Николае Бердяеве, Иване Ильине, писателях Иване Бунине, Владимире Набокове, Иване Шмелеве, Романах Гуле, Василии Шульгине. Интонационная сдержанность и бесстрашность авторов компенсируется щедростью материала.

Интерес к истории, активизированный путешествиями, вызвал интерес к особому типу книг: не путеводители, но истории стран и городов – с людьми, явным присутствием автора. Книги П.Вайля, Б.Носика о Париже, «Англия» А.Азимова можно отнести к еще неопределённому, но очень популярному жанру.

Хорошо смотрелись на одном из стендов книги и альманахи издательской программы из Владивостока

«Народная книга». Издательская программа Владимира Тыцких существует 12 лет. Изначально «Народная книга» патронировалась Управлением культуры администрации Приморского края, Приморским отделением общества любителей книги России и Приморским отделением Фонда культуры России.

Нынче программа осуществляется при участии Приморского краевого Фонда культуры и Морского государственного университета имени Г.И. Невельского.

За прошедшие годы издано 110 книг.

Программа никем не финансируется. Допечатная подготовка, вплоть до изготовления оригинал-макета, осуществляется бескорыстно друзьями «Народной книги».

Полиграфические услуги оплачиваются главным образом из средств, полученных от продажи изданий. Значительная часть тиражей безвозмездно передаётся библиотекам края, преимущественно в школы и другие детские учреждения

В сегодняшних разговорах о духовном возрождении России взоры многих обращены в сторону провинции: мол, если оно и начнется, так именно оттуда. Уже сейчас можно оценить тот духовный потенциал, который заложен в нашей русской глубинке. Оценить по издаваемым в ней книгам. В Приморье не спешат отказываться от привычных жизненных устоев, ни от доставшихся от дедов нравственных ценностей.

Каждый номер альманаха «Сихотэ-Алиня», литературного сборника «Паруса», «Литературного меридиана» очень показателен в своей целостности и какой-то внутренней солидарности авторов в отстаивании своих жизненных ценностей. Редколлегии литературных сборников без громких деклараций делают свое дело, на их страницах смело звучит славянская тема, печатаются не юмористы-зубоскалы, а самые острые публицистические

Обсуждение литературных новинок

кие умы Дальнего Востока. Представляется площадь в альманахах авторам самых разных идейных ориентаций, если члены редколлегии видят, что в главном они не расходятся с их идеалами литературы патриотической, православной. В последнее время определение «патриот» к сожалению, растаскивается по углам. Появились любители покрасоваться в патриотических тогах перед теле- и фотокамерами. В Приморье большинство писателей и поэтов делают все возможное, чтобы семья народов России была крепкой и неделимой.

У составителей альманахов существует только такой показатель отбора, как мера таланта. Отсутствие данного показателя – характерная черта для многих периодических изданий, где нежелание обидеть кого-нибудь из своих приводит к тому, что литературы любительского уровня выпускается больше, чем профессионального.

К разряду удач нужно отнести книги Владимира Тыцких «Канайка» и «Свеча горячая», Василины Орловой «Русский остров», Владимира Костылева «Два кофейных зернышка», Станислава Петрова «Зеленый рай», Сергея Юдинцева «Супермен», Сергея Барабаша «Ностальгия», «Эхо», переводов Вячеслава Протасова стихотворений великого американского писателя Эмили Дикинсон. Заслуживают доброго слова и книга профессора Морского государственного университета Евгения Жукова «Виват Регата». Знакомство с книгами приморских писателей и поэтов позволяет сделать вывод, что их духовный потенциал высок...

Многолюдно всюду, но очень многие посетители надолго задерживались у стенда КЖИ «Граница».

– За двадцать лет деятельности пограничное издательство завоевало авторитет у профессионалов и читателей, – говорит заместитель начальника издательства известный военный журналист, кандидат исторических наук полковник Владимир Морихин. – С 1989 года выпущено более 500 наименований тиражом более 3,5 млн. экземпляров о жизни пограничников, истории пограничных войск, подвигах воинов в зеленых фуражках на фронтах Великой Отечественной, в боях с душманскими формированиями в Афганистане, террористами на Северном Кавказе, в других «горячих точках». Среди продукции издательства – служебные и учебно-методи-

ческие издания, прикладная литература, красочные фотоальбомы и т.д. Сравнительно недавно вышли в свет фотоальбомы «Граница России», «Герои России – пограничники» и другая литература. С КЖИ «Граница» сотрудничают известные российские литераторы, среди которых – участники боевых действий, ветераны спецслужб, учёные, деятели культуры и искусства. Это Геннадий Ананьев, Владимир Рыбин, Георгий Сечкин, Павел Ермаков, Владимир Силкин, Николай Лободюк, Владимир Тыцких и многие другие талантливые прозаики и поэты, журналисты, историки.

Подполковник запаса ФСБ России Евгений Лукин так сказал о книгах пограничного издательства: «Вам удалось совместить, казалось, несовместимое. Благородство в форме подачи книги и настоящий демократизм ее читательской аудитории. В книгах чувствуется безмерное уважение издателя и к автору, и к читателям, и к понятию книги в целом. Искусство полиграфии у вас высокое...»

Издать книгу в пограничном издательстве считают за честь многие известные поэты и писатели, но и творческий коллектив КЖИ взыскательно относится к авторам, выпускает книги, пользующиеся широким читательским спросом. Стала бестселлером книга Владимира Сереброва «Чеченский узел». Повесть посвящена сотрудникам ФСБ России, которые участвовали в составе сводных специальных групп в антитеррористической операции в Чеченской Республике. Автор с глубоким уважением относится к своим героям, рисует благородные образы рыцарей без страха и упрёка, готовых ценою жизни отстаивать честь и достоинство России в борьбе с бандитами и наёмниками. В книге удачно использованы пропагандистские материалы руководителей бандформирований, этого отребья, нарушившего и общечеловеческие, и мусульманские нормы морали.

Этой книгой заинтересовался житель блокадного Ленинграда, ветеран госбезопасности подполковник в отставке Борис Дмитриевич Морозов. Он внимательно пролистал книгу, а потом взял в руки свежий номер журнала «Пограничник».

– Я давний поклонник «Пограничника», был постоянным подписчиком два десятка лет. Отрадно, что сегодня наш профессиональный журнал остаётся высокохудожественным изданием.

Сотрудники КЖИ «Граница» поделились с ветераном творческими планами издательства, рассказали о новых художественных произведениях, над которыми работают военные писатели и журналисты.

Ветеран посетовал, что в книжных магазинах Северной столицы мало патриотической художественной литературы, воспевающей ратный труд воинов в зеленых фуражках.

– Книги о пограничниках, людях, посвятивших жизнь защите Родины, должны выпускаться массовым тиражом, быть в каждой библиотеке, прежде всего в школах и профессиональных учебных заведениях, – заметил подполковник в отставке.

В беседе военных журналистов и ветерана госбезопасности включилась учительница школы-интер-

ната из города Приозерска Выборгского района Ленинградской области Рамиля Богданова. Она привезла своих воспитанников на детские конкурсы «Лучший чтец», «Лучший сочинитель», «Искусный мастер». Все эти мероприятия проходят в рамках «Детского дня на книжном салоне».

– Мы живём в приграничье, и наши дети не понаслышке знают о ратном труде пограничников, — сказала Рамиля Фазыловна. — Признаюсь, что многие ребята мечтают носить зелёные фуражки. Но вот книг в школьной библиотеке о буднях пограничников совсем немного. А может быть, есть возможность установить контакты между КЖИ «Граница» и школьными библиотеками, прежде всего детских домов и интернатов? Мы бы с удовольствием, возможно, на льготных условиях, приобретали книги вашего издательства. Существовало же шефство ВЧК над детскими домами. Наверное, стоит возродить эту традицию?

А дети знакомились с книгами из цикла «Защитники земли русской». Их всех без исключения привлекли красочные издания «Владимир Мономах», «Дмитрий Донской», «Генерал Ермолов – проконсул Кавказа» и другие, выпущенные КЖИ «Граница». Такие издания оставляют глубокий след в детских сердцах, побуждают гордиться своей историей, деяниями предков. У стенда издательства шёл серьёзный разговор о будущем не только российской патриотической литературы, но и об ответственности литераторов, в том числе военных, за воспитание молодого поколения, которому строить и защищать великую Россию.

Высоко оценил работу пограничного издательства заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа полковник Павел Перепелица. Особенно заинтересовала боевого офицера книга полковника Владимира Морихина «Традиции офицерского корпуса России».

– Это фундаментальная работа, которая должна стать настольной книгой каждого офицера, – отметил военачальник. Он искренне поздравил автора с творческим успехом, выразил уверенность, что боевое содружество между пограничниками и армейцами будет укрепляться, помогать в решении общих задач по защите Родины.

Одним из центральных мероприятий форума стало вручение ежегодных премий «Лучшая книга года». В одной из номинаций безусловным лидером стал уникальный сборник, осветивший историю освоения российского Крайнего Севера и Заполярья, развития и совершенствования охраны пограничной полосы Арктического региона, покорения Северного полюса отважными исследователями и путешественниками, «Испытание Севером». Заслуженную награду вручили заместителю начальника КЖИ «Граница» полковнику Владимиру Морихину.

Книгу «Граница в лицах и судьбах» (составитель член Союза писателей России Владимир Петров) раскупили сразу же. Этот сборник своего рода коллективный портрет тружеников границы 20-21 веков. Посетитель выставки Анатолий Колбеев приобрел ее и сказал нам такие слова: «Я служил на тихоокеанской границе в 70-е годы. В книге есть несколько очерков о тех, кто охраняет дальневосточные рубежи сейчас. Обязательно прочту

очерки об офицерах Сергее Угловском, Саламате Гусейнове, Викторе Поскачее. Заинтересовал меня и раздел «Советско-китайская граница», там написано о Юрии Бабанском, Виталии Бубенине, Демократе Леонове. Это пограничники, на которых мы равнялись и которыми гордились...»

Нашел своего читателя и сборник «Рубежи нашей памяти» – эта книга стихотворений о пограничниках и их судьбах. Он посвящен не только ветеранам, их детям, но и всем тем, кто живет и трудится по заветам предков, стремится быть патриотом великой страны со светлым и дорогим для нас именем – Россия. Многие стихотворения, вошедшие в сборник, известны широкому кругу читателей.

В рамках книжного салона состоялся и день региональной газеты «Пограничник». Сотни людей ознакомились с творчеством военных журналистов, в ходе откровенных бесед высказали пожелания активнее знакомить и массового читателя с проблемами и буднями защитников границы.

Главный редактор газеты полковник Александр Тепляков рассказал книголюбам о том, что издание распространяется в Пограничных управлениях ФСБ России по Северо-Западному федеральному округу..

Гости книжного салона приняли участие в обсуждении книги Станислава Петрова «Зеленый рай», сборника Владимира Тыцких «От всего сердца», рассказов писательницы из Москвы Татьяны Кирияки «Урок мужества», «Зачерпни детство ладонью», рассказов о блокадном Ленинграде подполковника в отставке Олега Петрова, рассказов Сергея Юдинцева, книги Сергея Барабаша «Командир «инвалидной команды», прозаических миниатюр Владимира Костылева, стихов Юрия Кабанкова, Вячеслава Протасова, Олега Матвеева, Людмилы Баженовой, Николая Морозова, Елены Обойминой, Галины Якуниной, Геннадия Богданова, Петра Носика.

К сожалению, бумага не может передать интонации, с которой жительница Минска Светлана Коверзюк говорила о рассказах Татьяны Кирияки.

Известный питерский писатель, главный редактор литературно-художественного журнала «Северная Аврора» Евгений Лукин предложил привлечь к работе в «Пограничнике» ведущих литераторов Северной столицы, поднимать на страницах газеты нравственные и социальные вопросы.

На Международном книжном салоне посетители и участники форума встретились с известными писателями Санкт-Петербурга Даниилом Граниным, Людмилой Улицкой, Татьяной Москвиной, Николаем Дроздовым, Андреем Кивиновым, Семёном Альтовым, которые поделились с читателями своими творческими планами.

2010 год – Год Франции в России. Поэтому Франция также была представлена на форуме новинками своей литературы. Посетители «Ленэкспо» познакомились с ними, приняли участие в заседании круглого стола и других мероприятиях.

Работа книжного салона продолжалась четыре дня. Всего в рамках программы состоялось более 250 мероприятий, во многих из которых приняли участие и пограничники.

СПЕШИТЕ!!!

ПОДПИСКА-2010

Подписаться на ежемесячник «Литературный меридиан» можно с **ЛЮБОГО** месяца, отправив почтовым переводом соответствующую сумму по адресу:
692342, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16.
Костылеву Владимиру Александровичу.

3 месяца — 150 рублей, 6 месяцев — 250 рублей, 1 год — 450 рублей.
При оформлении годового абонемента экономия от 50 до 150 рублей!

ВНИМАНИЕ!

Вы можете оформить подписку даже на номера, вышедшие с начала текущего года. К подписавшимся помесечно просьба указывать сроки начала и окончания подписки.

Владислав ГУСАРОВ,
г. Владивосток

Прав тот, у кого больший калибр

В связи с трагической гибелью президента Польши Качиньского у нас в России в очередной раз выставляют себя мальчиками для битья. Вот и показывают с телеэкрана, как несчастные поляки пострадали от сталинского режима – были расстреляны 12000 польских офицеров в Катыни. Да, это был трагический эпизод второй мировой войны. При этом, однако, наши «забывчивые» историки и политики стыдливо умалчивают о том, что после поражения Красной Армии под Варшавой в 1920-м году (поход на Польшу с Тухачевским во главе, вызванный, кстати, агрессивными устремлениями поляков вернуть под своё крыло их «исконные» территории, включая Украину) попавшие в плен красноармейцы числом более семидесяти тысяч человек содержались в скотских условиях и затем были расстреляны «цивилизованными» польскими воинами. А зачем об этом вспоминать, накалять обстановку? Уж лучше в сто первый раз понюхать и покаяться за свои грехи, посыпая голову пеплом, – авось после этого нас зауважают! Не зауважают! Не примут аргументов, что польских офицеров Политбюро приняло решение расстрелять, памятуя о семидесяти тысячах расстрелянных красноармейцах! Не зауважают, а, наоборот, вцепятся мёртвой хваткой, требуя компенсации за понесённый ущерб! Но, может... и зауважают, если Россия снова станет подкармливать наших прежних «союзников» из своих «неисчерпаемых» природных энергетических запасов по символическим ценам, как в своё время делал Советский Союз, выполняя «братский» долг, протянув «руку помощи» братьям-славянам в виде газопровода «Дружба». В то время все наши «дружбаны» о своих жертвах «тоталитарного сталинского режима» скромно помалкивали, жируя на дармовщину. И снова умолкнут, скромняги, получая газ по цене доллар за кубометр. А мы, как и прежде, не станем напоминать полякам, как шибко они хотели стать «дружбанами» Адольфу Фридриховичу Гитлеру, чтобы вместе с ним пойти и отобрать у этих нехороших русских свои «исконные» восточные территории, что благодаря «дружбанским» отношениям с Адольфом Фридриховичем они оттяпали у Чехословакии небольшую, правда, но тоже «исконную» польскую территорию... А не пора ли, наконец, принять за аксиому ли, за данность, за убеждённость слова Фёдора Михайловича Достоевского: «Польша никогда не простит России первенства в славянском мире»?

© Литературный
меридиан

Все права защищены.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Россия, Приморский край,
692342, г. Арсеньев-12, а/я 16.

Тел. (+7) 914-666-1-999

Тел. (+7) 924-263-29-79

(с 01.00 до 15.00 по Москве)

ICQ 223-267-185

E-mail: Lm-red@mail.ru

Главный редактор

Владимир КОСТЫЛЕВ

г. Арсеньев Приморского края.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Геннадий БОГДАНОВ,
зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

Сергей БАРАБАШ, г. Владивосток.

Иван КОНЧАТНЫЙ,
г. Арсеньев Приморского края.

Ирина БАНКРАШКОВА,
г. Хабаровск.

Эльвира КОЧЕТКОВА,
г. Владивосток.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

Владимир ТЫЦКИХ,
Юрий КАБАНКОВ,
Вячеслав ПРОТАСОВ

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

Газета «Литературный меридиан» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.

Учредитель: Костылев В.А.

Соучредитель: коллектив редколлегии.

Объём издания – 3,5 печатных листа.
Тираж 800 экз. (включая эл.версию).
Номер подписан в печать по графику и фактически 12 июня в 17-00.
Отпечатано в ОАО «Типография № 6», г. Арсеньев, пр. Горького, 1. Цена свободная.